

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ АЛЯ ХОЛОДОВА

S-T-I-K-S

ШЕСТЬ ДНЕЙ СВОБОДЫ

Аля Холодова
Артем Каменистый
S-T-I-K-S. Шесть дней свободы
Серия «S-T-I-K-S», книга 5
Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23578004

S-T-I-K-S. Шесть дней свободы/ Артем Каменистый, Аля Холодова:

Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-99473-1

Аннотация

Мир Стикса – чудовищный пазл из осколков иных миров, попадающих сюда со всеми своими обитателями. Часть новоприбывших сохраняет прежнюю сущность, остальные превращаются в кровожадных монстров. Глава Азовского Союза – Герцог, чтобы остановить нашествие Черного Братства, взрывает атомную бомбу на собственной территории. В страшной неразберихе войны очаровательные воспитанницы Цветника, чья судьба стать безвольными наложницами сильных мира сего, бегут на север в поисках свободы и лучшей жизни. Впереди шесть

дней невероятных приключений и схваток. И мрачное проклятие ненависти Герцога, нависающей над ними...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	58
Глава 4	86
Глава 5	107
Глава 6	121
Глава 7	138
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Артем Каменистый, Аля Холодова S-T-I-K-S. Шесть дней свободы

Глава 1 Брошенный стаб

Бегаю я хорошо, и это подтверждается высокими отметками, но мне их ставили с оглядкой на то, что данная дисциплина не состоит в списке приоритетных. У меня в ней две главные соперницы – Миа и Рианна. Я легко обставлю первую и вторую на дистанции до четырехсот метров, а вот дальше начинаются проблемы.

Миа обычно догоняет меня на отметке от семисот до тысячи двести, а Рианна оставляет позади нас обеих максимум через два с половиной километра. Я быстрая лишь поначалу, потом скорость значительно падает. Борьба с этим можно лишь при помощи стимуляторов или спека, что, естественно, в Цветнике недопустимо.

Таким образом, в своей группе я неоспоримая фаворитка спринта и середнячка кроссов. Но дисциплина маловажная,

великих свершений в ней от воспитанниц не ждут, отсюда сплошной позитив в оценках.

Похоже, я не все о себе знала. Ну, или события последних дней заметно отразились на моих физических данных. Возможно, имеет место скачкообразный прирост выносливости – такое иногда случается с теми, кто провел в Улье много времени.

Я провела много – целую жизнь. Неполные семнадцать – смехотворная цифра для внешних миров и очень серьезная там, где хотя бы год протянуть – немалое достижение. Воспитательница Лаура однажды, рассердившись, назвала меня вредной старушкой, и должна признать – что-то в ее словах есть.

Минуты уходили за минутой, а я так и продолжала бежать, не снижая скорости и не оборачиваясь. Где-то позади во тьме остался озерный берег с песчаным холмиком над пакетом с окровавленной одеждой – моей могилой. И где-то там мне вслед смотрят два западника, причем один из них – чудовище и убийца.

Мой убийца.

Мысли все еще путаются, о некоторых вещах вообще не хочется думать, но точно знаю одно – нужно оказаться как можно дальше от жуткого места и страшных людей.

Ноги со мной полностью согласны, похоже, они готовы работать без усталости целую ночь. Даже ослепительная вспышка далеко справа не заставила их сбиться с напряженного рит-

ма. На миг стало светло, как ясным днем, и я отчетливо разглядела линию дороги, вдоль которой мчалась. Дальше она взбиралась на подъем, где поджимающие ее лесополосы сходили на нет. И там, километрах в двух или около того, гроздятся непонятные угловатые кучи. Что это такое, понять не успела – ярчайший свет угас так же стремительно, как разгорелся.

Даже мои измученные мозги легко догадались о сути произошедшего. Мстительные западники не забыли, как их почти беззащитное посольство, отправленное под гарантии безопасности, данные Азовским Союзом, было коварно уничтожено. Они меня не обманули, у них и правда есть легендарное оружие нолдов. С его помощью люди генерала Дзена только что поразили важнейшую азовскую крепость.

Это все усложняет, но одновременно дарит надежду, что я сумею сдержать обещание, которое пришлось дать чудовищу.

Мне надо вернуться в ненавистное место и вытащить оттуда девочку, которую я знать не знаю (и даже не уверена, что она вообще существует, в этом поручении западников может скрываться подвох, они те еще мастера скрывать свои истинные намерения). Учитывая то, что это место хорошо охраняется, меня задержат на первом же посту в стабе (если не раньше), после чего придется попрощаться со свободой. Для начала из Цветника сообщат господину Дзену, что его избранница обнаружена там, где ей не следует находиться.

Если он заявит, что отказался от меня, вариантов два: или меня вернут к орхидеям и замнут историю (что крайне маловероятно), или отдадут какому-нибудь господину без лишней шумихи. В Азовском Союзе все женщины из непривилегированных категорий считаются в разной степени ценным имуществом и не имеют права распоряжаться собою.

Попасть в привилегированную мне не светит: у меня нет образования и навыков, полученных во внешних мирах и ценящихся здесь; высокопоставленного любовника тоже нет; и нет общественно полезных умений, подаренных Ульем.

После вспышки миновало не меньше четверти минуты, прежде чем донесся грохот взрыва. Это было не просто громко, это оглушило, заставило покачнуться и невольно обернуться в сторону Пентагона. Там, вдали, происходило что-то невероятно ужасающее. Это напомнило просмотренную года четыре назад образовательную передачу, где показывали красочно нарисованный сюжет с подводным извержением вулкана. Все отличие от этого зрелища – вместо моря ночной мрак, обступающий пылающую кроваво-красным бесформенную груду, из которой то и дело взмывают исполинские языки пламени, а навстречу к ним из зловеще отсвечивающих небес десятками устремляются ярчайшие разряды молний.

Я не знаю, на каких физических принципах работает оружие, которое смогли заполучить западники, но в одном сомнений нет – если в Пентагоне каким-то чудом остались жи-

вые люди, они сейчас будут заниматься чем угодно, но только не защитой крепости и подступов к ней.

И если западники не обманули, прямо сейчас через брешь, прожженную оружием нолдов в оборонительных рубежах Центрального и лежащих за ним основных стабов, заходят банды муров. Вот-вот начнется охота на иммунных, нормальный человек постарается держаться как можно дальше от эпицентра подобных событий.

Но я, борясь с то и дело накатывающим головокружением, продолжала бежать именно туда.

Ну да, я ведь ненормальная – не успела прийти в себя от одной смерти, как тут же направилась навстречу новым неприятностям.

* * *

Впереди, где-то на самой верхней точке пологого подъема, по которому тянулась дорога, что-то сверкнуло, после чего до ушей донесся грохот. Я, конечно, не Дания, которая по звуку может определить, какое оружие его произвело, но мне показалось, что это именно выстрел, а не взрыв. Хоть чуть-чуть, но наслушаться успела.

Негативный опыт почему-то усваивается быстро.

Произошедшее на миг отвлекло, на этот раз чуть-чуть сбилась с неспешного ритма (мчаться на хорошей скорости в гору не получалось). Но на кластерах расслабляться нель-

зя, Улей тут же наказал меня за беспечность – я больно врезалась ногой во что-то твердое и массивное, чего не должно быть на ленивом степном подъеме.

Инстинктивно отскочила, вскидывая пистолет, чтобы встретить во всеоружии неведомую угрозу, которая скрывается во мраке. Но ничего подозрительного не услышала и не разглядела, только снизу во тьме просматривалось что-то непонятное. Камень? Ну ничего себе камень! Да это же целая скала, откуда она взялась на равнинном кластере?! Ладно бы, дело происходило в овраге или речной долине, но вот так, посреди обширного ровного места, такого просто не может быть.

Прибегла к простому и зачастую эффективному способу улучшить обзор. Всего-навсего присела и на фоне пусть и ночных, но все же чуточку светлеющих небес разглядела препятствие. Слишком ровные очертания и слишком правильные углы. А вон, вдали, просматривается что-то еще, оно куда больших размеров и с такими же неестественными очертаниями. И запах гари, примешивающийся к коктейлю из ароматов цветущих степных трав, не заметить невозможно.

К сожалению, не только гари – здесь пованивает мертвечиной.

Смрад разложения – это всегда опасно. В Улье хватает любителей падали, причем все они не пренебрегают и свежим мясом, дай только возможность им поживиться. Я здесь од-

на, вооружена всего лишь пистолетом и гранатой, мои непростые глаза во мраке видят почти так же, как обычные, то есть – отвратительно. Поэтому вся надежда на слух и на разум.

А еще на память.

Я, по-моему, уже видела этот стройный ряд пирамидальных тополей, который начинается чуть дальше по другую сторону дороги. Лесополос здесь нет на широком участке, лишь это место вечно зеленеет от перезагрузки к перезагрузке. Но при последнем обновлении появился кластер с заметными изменениями – высокие деревья стали плохо выглядеть: некоторые засохли от комля до макушки, с их стволов частично или почти полностью осыпалась кора; на других листва сохранилась лишь в небольших количествах (обычно на нескольких ветвях в самом низу).

На фоне светлеющих небес характерные заостренные верхушки трудно спутать с чем-нибудь другим, и то, что они высохшие, – тоже не скрыть. Получается, по этой дороге мы регулярно ездили в карьер, пострелять по мертвякам, а я люблю поглядывать в смотровые щели и давно уже запомнила, что и где здесь располагается. Другой похожей группы деревьев не припомню, плюс располагается она на подъеме – это хороший ориентир на преимущественно плоской местности.

Смрад гари и разложения – пусть и неприятный, но ориентир. Получается, это то самое место, где я первый раз попыталась сбежать от западников. Момент был очень даже подходящим – на их слабо оснащенное посольство напали му-

ры, расстреливая, будто в тире, из хорошо вооруженных боевых машин, метко поражающих цели ракетами и снарядами за километры. Из пылающей техники выскакивали люди, пытались организовать оборону у линии тех самых тополей, стреляя в темноту степи из гранатометов и получая в ответ лавину сметающего храбрецов огня. Ну а я, не горя желанием принимать участие в чужом для меня бою, удачно выбралась из обшитого сталью карьерного самосвала и начала тихонечко пробираться по кювету за дорогой. Подданные господина Дзена предпочли умереть, сражаясь, как это принято у западников, отчаянно-безрассудно, насколько мне известно, за единственным исключением никто не последовал моим путем.

До сих пор не понимаю, почему полковнику никто и слова плохого не сказал. Он ведь, получается, бросил своих людей, сбежал, оставив в тяжелый момент. Его поведение позорно даже по меркам Азовского Союза, где порядки куда либеральнее.

Да уж, в том, что касается странностей, западникам нет равных.

Сгоревшая техника в Улье никому не нужна, ведь здесь нет металлургического производства. В редких случаях забирают ржавые корпуса бронированных машин, чтобы вдохнуть в них вторую жизнь: убрать поврежденное оборудование, вычистить, покрасить, поставить новые двигатели и прочие необходимые агрегаты. Нужно признать, что новая

жизнь получается несладкой, некогда грозные многотонные монстры обычно выглядят жалко и не дотягивают до прежней эффективности. По слухам, где-то далеко на юге, в одном из крупных союзов, сумели организовать полноценное ремонтное производство, с привлечением ксеров и редких специалистов, работающих на собранном отовсюду оборудовании, но здесь до такого еще не дошло.

У западников практически нет хорошей техники, а уж той, которую стоит попытаться восстановить после многочисленных попаданий и пожаров, – подавно нет. Дорожная служба Азовского Союза расчистила асфальт, попросту сбросив обгоревшее железо в кювет, по которому я не так давно улизнала из эпицентра бойни. При этом никто не озаботился вытащить из искореженных машин останки погибших или их вытащили не все. Вообще-то, в Улье принято по возможности не бросать тела даже незнакомых людей: их закапывают, топят, сжигают, сбрасывают в подвалы или просто закрывают в домах. Это разумно, ведь легкодоступную пищу рано или поздно отыщут зараженные, а сытная еда их усиливает. Но сильно похоронами не озадачиваются – смысла почти нет.

Как ты ни старайся, но и крошки от каравая не оторвешь, уж слишком много пищи попадает к нам при нескончаемых перезагрузках.

Здесь, судя по запаху, тоже не озадачились. Обостренное обоняние зараженных позволяет им улавливать заманчивые

запахи с большого расстояния, и не надо думать, что здесь благодаря регулярным зачисткам тварей нет. Еще как есть, в том числе встречаются опасные. Но есть одна особенность, их основной контингент – падальщики периметра. Это мертвяки, у которых хватило интеллекта на осознание простой истины – ломиться через кишачие солдатами укрепления не стоит, но и далеко от них уходить нерационально. В таких местах от голода не умрешь, потому что всегда есть возможность полакомиться останками более глупых сородичей. Не самая привлекательная для монстров диета, но многих устраивает. Если не нагнать, люди не станут переводить патроны, некоторым из здешних уродцев они даже прозвища дают, доходит до того, что иногда подкармливают, ценя за то, что те оперативно подчищают источники потенциально-го зловония.

Прижившиеся у периметра зараженные приобретают нетипичные для их собратьев привычки. Они не спешат со всех ног навстречу людям с плотоядным урчанием, обычно стараются вообще им на глаза не попадаться и потому ведут преимущественно ночной образ жизни. Из-за этого, а может быть, из-за специфичности рациона, эти твари со временем слабеют, худеют до состояния скелетов, обтянутых кожей, а сама кожа у них нездорово светлеет. Солдат они ловко избегают, но вот одиночку, не похожего на военнослужащего, могут счесть подходящей добычей.

Я не похожа на военнослужащую – у меня ни формы со

знаками различия нет, ни амуниции, ни серьезного вооружения. К тому же в армию Азовского Союза не берут тех, чей рост меньше одного метра семидесяти сантиметров, одно это может подсказать падальщикам, что меня можно рассматривать как лакомую пищу, а не источник угрозы.

Как бы в унисон моим мыслям, по другую сторону дороги что-то звякнуло, после чего одновременно заурчали сразу в две глотки. Не знаю точно – зараженные меня заметили или просто возбудились из-за неожиданного звука, но, не задумываясь, вытащила пистолет, щелкнула предохранителем, как можно злее выкрикнула:

– А ну стоять!

Во тьме на другой стороне дороги что-то промелькнуло, послышались торопливые, быстро затихающие шаги. Трусоватые падальщики не стали разбираться – угроза я или лакомство, им хватило характерного оружейного звука и отданной приказным голосом короткой команды.

Пусть они и поумнее «диких» сородичей, но все равно тупые.

А теперь нужно быстрее миновать опасное место – мертвяки запросто могут вернуться так же быстро, как смылись.

* * *

Есть такое психическое явление – дежавю. Это когда человеку кажется, что он уже когда-то переживал нечто подоб-

ное, с ним такое происходит не впервые.

Точь-в-точь, как мои нынешние впечатления.

Я ведь это уже однажды видела, причем недавно. Как было и в прошлый раз, на подходе к посту начала удаляться от обочины, чтобы обойти по степи пушку, которая время от времени изрыгала клубы пламени. Ее поставили прямо на дороге, я опасалась, что солдаты могут принять меня за врага и начнут стрелять, не разбираясь.

Представьте мое удивление – пушки на дороге не было. То, что я за нее принимала, оказалось танком, точно как в прошлый раз. Возможно – тот самый, из-за которого колонна западников тогда задержалась на периметре. Такое впечатление, что он здесь стреляет все эти дни, без перерыва и не съезжая с места.

Все это так сильно напомнило уже увиденное, что я не удержалась, обернулась и почувствовала облегчение, не разглядев пылающей во тьме линии уничтожаемой колонны. В противном случае пришлось бы поверить в путешествие во времени.

Танк обошла стороной, при этом каждый шаг давался с замиранием сердца – очень боялась наступить на мину. Знаю, что их экономят и потому в основном ставят среди проволочных и бетонных заграждений, куда не добираются рядовые зараженные, но с моим печальным везением ничего хорошего ждать не приходится.

Пост, прикрывавший дорогу, скрывался в непроглядной

тьме, но, приблизившись, я заметила, что на фоне стен и баррикад замечались какие-то непонятные огоньки, там кто-то есть и, скорее всего, оттуда видят, как по дороге приближается подозрительная одинокая фигура, одетая во все черное. Кроссовки, правда, белые – выбиваются из образа вражеского лазутчика. Рядом гремит бой, солдат это нервирует, может случиться всякое, а мне лишние неприятности не нужны.

Спрятала пистолет за пояс, за него же отправила гранату, подвесив ее за рычаг, чуть приподняла руки и прокричала:

– Гвардейцы, не стреляйте! Цветник, первая группа, я орхидея номер восемь двадцать шесть, код помощи сто двадцать один!

– Элли?! – удивленно ответили из мрака.

– Капитан Лоскут?! Да, это я! Элли!

Удачно получилось, этот офицер один из самых приятных и общительных, с ним вряд ли возникнут проблемы. Жаль, что у него такое низкое звание, будь он командиром высокого ранга, мог бы заслужить право на орхидею. Не уверена, что при таком супруге получишь море неземного счастья, зато покоя точно хватит, если не сильно вслушиваться в его вечную болтовню.

Мне покоя очень не хватает.

– Элли, что ты здесь делаешь?! Ты одна?! – продолжал сыпать вопросами Лоскут.

– Да, я одна. На нас опять напали мурлы, мне приказали бежать сюда, здесь безопасно.

– Муры? На кого напали? Где? Кто приказал?

– Мы ехали сюда, к вам, конфедераты выслали подкрепление, как договорились. – Я врала напропалую, будучи уверенной, что капитан Лоскут слишком малозначительный офицер и в подробности союзнических обязательств западников не посвящен. – Я не знаю точно, где это, несколько километров дальше по дороге. Мне приказал уходить к вашему посту мой избранник – господин Дзен, а сам остался со своими людьми.

При этих словах грохнуло где-то опасно близко, обернувшись, я при свете вспышки очередного выстрела разглядела расплзающееся облачко дыма – возле продолжавшего сражаться танка упал снаряд. Должно быть, черные братья заметили боевую машину, и я бы на месте экипажа бежала со всех ног, потому что прекрасно знаю, как легко поражается неподвижная мишень.

А еще успела заметить кое-что интересное – светящуюся красным полусферу в том месте, где спустя секунду вспыхнул еще один взрыв. Такое я не видела с того самого дня, когда на колонну западников напало Братство.

Неужели опять проявились новые умения? Неудивительно, если припомнить все те встряски, которые пришлось пережить в последнее время. Да и само место располагает к их пробуждению, ведь неподалеку от него они проявились первый раз.

Хотя это, конечно, ничего не значит – вряд ли Улей вру-

чает подарки с привязкой к местности.

– Элли, тебе надо срочно уезжать, – решительно произнес капитан Лоскут, выступая навстречу. – Повезло, что ты добралась сюда, их пикапы заметили в километре отсюда. Мы их отогнали, но муры где-то рядом, достают из минометов, судя по всему, у нас серьезный прорыв, и это был только авангард.

– И как же я уеду? Вам, кстати, тоже нужно уезжать, вы не удержитесь здесь, вас слишком мало.

– Да, мы знаем, – помрачнев, согласился гвардеец. – С Пентагоном непонятно, похоже на что-то ядерное. Прошел электромагнитный импульс, мы остались без рации, телефонные провода, наверное, перерезали, у нас почти не осталось машин на ходу, инжекторам хана, а такое быстро не починишь. И ты права, людей всего ничего, не потянем, если всерьез полезут. Знаешь что, мы как раз посылаем бойца с донесением в Центральный, ты можешь поехать с ним. Правда, я не уверен, разрешено ли вам так... – замялся Лоскут.

– Вы о чем, капитан?

– Гонец поедет на мотоцикле, ваших вроде нельзя так перевозить.

– Сегодня все можно, не сомневайтесь.

– Да, пожалуй, ты права.

– А почему на посту так мало солдат и как враги смогли перерезать провод? – спросила я, шагая за капитаном. – Он ведь, наверное, в Центральный ведет, я его даже не видела,

глубоко закопан, наверное. Кто мог знать, где его раскапывать?

– Измена, – коротко ответил Лоскут.

* * *

Если говорить откровенно, с того самого момента, как рука освободилась от проклятого браслета, меня не оставляла мысль помчаться в степь что было духу, не разбирая дороги, и не останавливаться до тех пор, пока ноги не отнимутся.

Не сказать, что я думала об этом напряженно, но мысль непрерывно мелькала на задворках сознания. Я ее всячески подавляла, потому что слишком многое было против этой идеи – я дала слово господину Дзену, и при всем негативе моего отношении к этому чудовищу не могу его нарушить, ведь это плата за мою свободу, а я ценю ее настолько высоко, что уверена – обману западника, и Улей меня жестоко накажет, он не потерпит шуток с самым дорогим.

А еще знания о Братстве прямо-таки кричат, что бежать надо именно от них, причем очень быстро, ногами так не получится. Муры мерещились мне повсюду, но я точно знала, где их нет – на Центральном стабе, потому что туда злейших врагов ни за что не пропустят. Значит, надо пробираться именно в ту сторону. Конечно, там я рискую потерять свободу, меня даже могут отдать самому жирному и страшному избраннику или что-нибудь похуже придумают.

Но это будет потом, а сейчас мне просто надо уйти подальше от Черного Братства. Нельзя позволить им играть со мной в догонялки на степных просторах, если их пикапы уже появлялись в километре от поста, я и впрямь проскочила чудом.

Скорее всего, танка испугались, вот и очистили дорогу. В таком случае, огромное спасибо бронированной черепахе.

Молчаливый посыльный ехал быстро, встречным потоком воздуха мою прическу превратило в подобие пучка соломы, но я относилась к этому спокойно. А вот некоторые картины по пути приводили в смятение.

Чем ближе мы подъезжали к Центральному, тем отчетливее до меня доходила невероятная истина – один из главных штабов Азовского Союза остался без охраны. Стреляющий куда-то в темноту танк на дороге и кучка гвардейцев на посту, которые остались за спиной, – единственные вооруженные силы, которые встретились за все это время. Постоянно оживленное шоссе будто вымерло – ни пеших патрулей, ни моторизованных, ни гражданских машин.

Вообще никого.

То есть мурлы, покончив с танком и гвардейцами капитана Лоскута, могут проехать здесь так же свободно, как мы, и помешать им некому. А этого не может быть, за всю историю Центрального на него не нападал никто из посторонних, все выстрелы, которые здесь гремели до последних событий, – исключительно последствия внутренних конфликтов. К то-

му же на моей памяти такого почти не случилось, при нынешнем Герцоге этот стаб даже в самые непростые периоды оставался тихим местом.

Была надежда, что все, кто способен сражаться, собрались на окраинах Центрального, чтобы дружно встретить зарвавшихся головорезов Черного Братства. Но она не просто не оправдалась – все оказалось намного хуже.

Да-да – на окраине было так же «многолюдно», как на дороге. То есть вообще никого не видно. Даже на въезде ни человека, а ведь все шлагбаумы охраняются круглые сутки, за всю свою жизнь я не припомню случая, чтобы это место осталось без тщательного присмотра.

В голове замелькали кусочки очередного плана, который даже трудно назвать безумным, настолько он немыслим.

Да, полностью согласна – еще как безумен. Но только в обычные времена. То, что сейчас происходит, невозможно назвать обычным, будет глупо не попытаться использовать ситуацию в своих интересах.

Как там говорили западники? Окно возможностей? Лучше не назовешь, сейчас действительно возможно все, включая полное безумие – ворваться в Цветник и потребовать выдать мне Эйко, или как там ее на самом деле зовут.

Ну а потом...

Потом я потребую кое-что еще.

План, мягко говоря, странный, но почему бы не помечтать, вдруг сработает. Но надо подумать как следует, он нуж-

дается в серьезных доработках и внятном заключительном этапе.

Достать пистолет, заставить солдата остановиться и отобрать у него оружие? Даже если он подчинится, что дальше? Я не умею управлять мотоциклом, вождению орхидей перестали учить лет пять назад, когда я еще даже до фивалки не доросла, – такое вот нехорошее упущение. А если под угрозами принудить гвардейца заехать в Цветник, а потом, если вторая часть безумного плана не выгорит, с ним же уехать из Центрального? Но далеко ли мы сможем уйти, ведь это транспортное средство предназначено для передвижения по безопасным районам, причем местность должна быть или густонаселенной, или открытой, иначе первый же выскочивший из кустов зараженный может стать причиной окончания поездки.

И окончание получится нехорошим.

Да и можно ли втроем ехать на мотоцикле? Не уверена.

Ну и что тогда? Зачем я вообще сюда приехала? Просто убегаю от Братства или делаю это с прицелом на большее?

Постучала солдата по спине и, перекрикивая рев мотора, попросила с самым невозмутимым видом:

– Остановите, дальше я сама.

Снижая скорость, гвардеец выкрикнул в ответ предсказуемое:

– Мне сказали сдать тебя в Цветник.

– До него напрямик пешком быстрее, чем в объезд, а вам

надо торопиться. Центральный в опасности, это сейчас важнее всего.

– Хорошо, только не задерживайся нигде, беги быстрее к розовым воротам.

Дождавшись полной остановки, спрыгнула, пошла по знакомому переулку, то и дело переступая через разбросанные на асфальте обломки – видимо, очередной обстрел затронул и этот район.

– Элли! – крикнул в спину гонец. – Передай своим, что Братство чем-то выжгло Пентагон, я не знаю, смогут ли наши остановить головорезов, там ребят почти не осталось, а здесь вообще все разбежались. Вам нельзя здесь оставаться, стены знают о Цветнике, вам надо побыстрее уезжать.

– Передам, – пообещала я, не оборачиваясь.

Мотоцикл поехал дальше, шум его мотора начал быстро стихать и вскоре уже не мешал прислушиваться к ночным звукам. Я поняла, что неравный бой одинокого танка закончился, его пушка больше не бахала через одинаковые промежутки времени.

Возможно, все дело в израсходованном боекомплекте, вот только поверить в такое не получается.

К тому же исчезли все прочие звуки. Больше не было пулеметов и пушек с минометами, только иногда с юго-востока доносились отголоски далеких взрывов или выстрелов. Не знаю, что там происходит, но это вряд ли связано с прорывом у Пентагона. Там, где сейчас опаснее всего, воцарилась

тишина.

Причем тишина зловещая, заставляющая думать о самом плохом, ведь именно там должно греметь и гореть сильнее всего.

Возле Центрального появился враг, и останавливать его, похоже, некому. Я шла мимо зданий, в которых размещались люди, в том числе отвечающие за безопасность стаба, но не видела ни малейших следов приготовлений к сражению.

Да здесь вообще никого нет, город будто вымер.

А нет, ошиблась, это не совсем так. В промежутке между административными зданиями разглядела часть улочки, протянувшейся через кварталы коттеджной застройки, где проживали не самые высокопоставленные лица Азовского Союза, но и далеко не последние.

Мне открылась интересная картина: возле одного из домов стоял автомобиль с раскрытыми дверцами и задранной крышкой багажника, два человека грузили в него чемоданы и сумки. При этом они смешно торопились, мешая сами себе и друг дружке.

На южной окраине что-то ярко вспыхнуло, при этом уличное освещение мгновенно погасло, и лишь потом до ушей донесся грохот сильнейшего взрыва, взметнувшего тучи пыли и мелкого мусора. Теперь я не могла рассмотреть ни машину, ни людей возле нее, но увиденного хватило, чтобы сделать логичный вывод – в Центральном если не все, то некоторые уже знают о прорыве врага, но вместо того чтобы

заниматься подготовкой к обороне стаба, они торопятся его покинуть.

Судя по тому, что город будто вымер, многие уже это сделали. В такое непросто поверить, но я поверила и кое-что поняла.

Надо как можно быстрее уехать из Центрального, он вот-вот может превратиться в захлопнувшийся капкан. Отсюда всего-то четыре выезда, промежутки между ними защищены стенами. При сильном желании через них можно перебраться, но нельзя не признать, что враг может легко взять хлипкий периметр под контроль, после чего не позволит вырваться ни одному человеку.

Иммунные со стажем – вот ради кого пришло Братство. А здесь можно взять богатую добычу, очень многие из обитателей Центрального провели в Улье годы жизни, за это время их внутренние органы и кровь стали ценнейшим для внешних сырьем.

Подобные мне ценятся дороже сотни новичков, с такой красноречивой математикой муры не оставят здесь никого живого.

Никакого внятного плана у меня до сих пор не было, но в голове вызревает целая куча перспективных идей. Надо лишь объединить их воедино, причем как можно быстрее.

Вряд ли Черное Братство будет дожидаться того момента, когда я все продумаю до мелочей.

А что это там, впереди? Да это же человек. Почему он ле-

жит на асфальте, положив голову на тротуар? Почему не шевелится? И не обойти ли мне его по другой стороне улицы?

Откуда-то с южной окраины в небо взвился горящий шар, завис на миг, затем начал медленно опускаться, при этом свечение его резко усилилось. Всего лишь ракета, кто-то решил с ее помощью побороться с мраком, окутавшим стаб.

Или дело тут вовсе не в борьбе с темнотой.

Осветительная ракета позволила разглядеть прежде скрытые темнотой подробности. Возле головы лежащего человека растекалась кровь, пачкая бордюр и дорожное покрытие, одет он был в хорошо знакомую форму полицейского, кобура на поясе расстегнута, пистолета нет, а вот резиновая дубинка осталась на месте.

Мне она ни к чему, а вот наручники пригодятся. Тот, кто забрал оружие, на них не польстился, я сочла это знаком, подаваемым судьбой, или помощью от тайных сил Стикса.

Ну да, стальные браслеты могут очень даже хорошо вписаться в мой план. Жаль только, что полицейские таскают всего лишь по одному комплекту.

Мне бы десяток не помешал.

На всякий случай.

Глава 2

Привет, Цветник. Прощай, Цветник!

Цветник не нуждался в сильной охране, ведь до сегодняшней ночи границы Центрального стаба находились под таким контролем, что даже самый хитрый зараженный будет уничтожен настолько далеко от них, что вряд ли мы услышим выстрел или хлопок слабенькой мины, коими напичканы периметры и края хитро устроенных коридоров между ними. То же самое касается задумавших нехорошее иммунных, пробраться тайно в такой важный стаб нечего и думать. Я сюда попала в раннем детстве и таких случаев за все время не припомню.

Впрочем, может, что-то такое и было, вот только до нас не доходило. Если вспомнить побег на день рождения, то я ведь сумела преодолеть все периметры. Пусть и схитрила, пусть мне повезло, но все же сумела. Но в любом случае такое не могло происходить часто, и меры безопасности год от года ужесточались. Вспомнить хотя бы мой случай, после которого Цветник остался без деревьев, обзавелся новой стеной и системой сигнализации, не зависящей от перебоев электропитания, а на выездах ужесточились правила досмотра автотранспорта.

Но совсем уж оставлять нас без охраны нельзя, поэтому возле ворот снаружи располагается караульная будка, в которой день и ночь дежурят два гвардейца. Разумеется, из «красных», всех прочих к нам стараются не подпускать на пушечный выстрел.

Уличного освещения больше не было, но мне помогали машины, время от времени пронесившиеся в одном направлении – прочь от Пентагона и прорвавшихся оттуда врагов. В сторону муров никто не ехал, что подтверждало худшие подозрения.

А вот и еще одно подтверждение – при свете фар разглядела, что караульная будка пуста. Можно, конечно, предположить, что наших гвардейцев срочно отозвали для обороны стаба, вот только ни малейших признаков организации этой самой обороны я не заметила, зато свидетельств того, что отсюда все потенциальные защитники разбегаются, – предостаточно.

Подойдя к воротам, я на ощупь нашарила коробочку с единственной кнопкой, нажала на нее раз, другой, третий. Безрезультатно – никто не отвечал. Или проблема с электричеством, или отвечать уже некому.

После моей выходки стену заменили и по гребню новой протянули проволочную спираль с коварными колючками. Но ворота остались без устрашающих изменений, что неудивительно, ведь при попытке через них перебраться ты плюнешься на асфальт перед удивленными солдатами, не говоря

уже о датчиках сигнализации на этот случай.

Солдат сейчас нет, так что удивлять некого. Створки высокие, но у меня прекрасные отметки по дисциплинам, отвечающим за физическое развитие. Главное, допрыгнуть и ухватиться, все остальное уже элементарно.

Оказавшись на другой стороне, я поспешно направилась к главному входу, поправляя пистолет за поясом – в отличие от спокойно себя ведущей гранаты, он то норовил вывалиться, то занимал неудобное положение. Полковнику Лазарю следовало позаботиться о кобуре.

Впрочем, спасибо и на этом, понятия не имею, что тут можно сделать без оружия, в моем безрассудном плане ему отведена немаловажная роль.

В здании явно кто-то есть, в темных окнах промелькнули отблески света фонаря. Значит, или сбежали не все, или остались все до единого.

Некоторым из обитательниц Цветника мой план может не понравиться, но я готова поспорить с ними на языке силы. В этом у меня есть небольшое преимущество, ведь единственное оружие на территории нашего комплекса – пулемет стрелка на крыше Цветомобиля. Когда-то я была уверена, что это просто муляж или лента, заряженная в него, набита бутафорскими патронами, но незадолго до моего первого побега довелось услышать, как он стреляет – к дороге каким-то чудом прорвались зараженные, и почему-то дежурившая на макушке грузовика воспитательница решила по-

мочь сопровождавшим нас гвардейцам.

Чтобы заполучить это оружие, придется выйти во двор, забраться в Цветомобиль, подняться по лесенке в гнездо стрелка и снять пулемет с хитроумно устроенной турели (я даже не уверена, что это возможно без специальных инструментов). В общем, слишком много всего придется проделать, не говоря уже о том, что это тяжелая штука, а воспитательниц подбирают в том числе и по внешним данным. То есть все они – женщины далеко не самого крупного телосложения, не чрезмерно высокие, мускулатурой не блещут. Визуально ни одной из них нельзя дать больше тридцати лет, даже тем, кому на самом деле в два, а то и в три раза больше. Все потому, что у них обычно значительно занижен индекс возраста, а это почти всегда тоже не позволяет говорить о выдающихся физических данных – Улей не любит раздавать подарки большими мешками, если уж ты получил сильное тело, не жди, что тебя заодно наградят и завидной молодостью.

Нет, пулемет, думаю, поднять сможет любая из воспитательниц – вот только что они потом станут с ним делать? Однако на всякий случай держала в голове, что у кого-то может возникнуть «светлая» мысль кое-что противопоставить моему пистолету.

То, что я задумала, – преступление. По сути – вероломное нападение на Цветник. Но эта мысль не вызывает у меня ни малейшего отторжения.

Обзываете мой поступок как хотите, мне безразлично ваше мнение, я просто приступила к реализации очередного пункта своего сумбурного плана.

Западники и не такое устраивали, друг друга убивали, не жалея, так чем я хуже их со своим бескровным замыслом?

Они, конечно, сволочи те еще, но не могу не признать: благодаря этим диким людям я кое-чему научилась.

Есть времена для размышлений, а есть времена для самых решительных действий, и сейчас нужно именно действовать, а не колебаться, разбираясь с метущимися мыслями.

Подняться по короткой лестнице, потянуть дверь на себя, перешагнуть через уже давно не существующий порожек – все как обычно, если не считать того, что всего лишь несколько дней назад я делала то же самое в обратной последовательности и была уверена – это в последний раз.

Как же быстро все изменилось...

– Здесь есть кто-нибудь?! – крикнула я, настороженно вглядываясь во мрак простирающегося передо мной коридора.

Ответом были лишь эхо и такой же громкий взрыв на окраине, как тот, после которого в Центральном пропало освещение.

Внутри еще темнее, чем снаружи, на улице свет фар временами помогает, да и небо хоть и затянуто облаками, но в промежутках между ними проглядывают ночные светила Улья, которые почти везде принято называть звездами, пусть

даже они являются чем-то другим, необъяснимо-непонятным.

Меня этот вопрос вообще никогда не интересовал, я ведь настоящие звезды ни разу в жизни не видела.

Темнота не мешает, я провела здесь столько лет, что могу с завязанными глазами пройти через все здание, ни разу не споткнувшись. Десять шагов вперед, теперь налево – к лестнице, немножечко повернуть, чтобы не столкнуться с декоративной колонной, облепленной гнездами, в которых закреплены горшки с цветами.

Шаг от нее – и чуть не заорала от испуга и неожиданности, задев ногой что-то живое, приятно-мягкое и заурчавшее. Но тут же успокоилась, только сердце продолжало сильно колотиться, ему нужно время, чтобы прийти в себя. Бояться совершенно нечего, все нормально. Да, мне известно, что зараженные любят издавать похожие звуки, изменившийся голосовой аппарат этому способствует, но я сейчас нарвалась вовсе не на мертвяка – они урчат совершенно не так.

Фидель – единственный представитель сильного пола, которому разрешен доступ в Цветник в любое время и почти в любое место, причем без разрешительных документов и сопровождения. Он вовсе не большой начальник, и даже вообще не начальник (и уж точно не господин), он всего лишь большущий рыжий кот с возмутительно-наглыми глазами и смешной мордочкой – у него будто отрастает аккуратно подстриженная борода.

Говорят, что это не простой кот, а из особенных, очень редких, его привезли откуда-то издалека с большими трудностями, специально, чтобышний раз подчеркнуть исключительность нашего заведения. Говорят, им даже институт интересовался, но никто его не отдал для опытов, потому что Цветник своим имуществом не разбрасывается. Хотя сомневаюсь, что Фидель считает себя чьим-то имуществом, полагаю, кот железно уверен, что является местным властелином – это по глазам понятно. Штаб его рыжейшего величества располагается в пищевом блоке, оттуда он периодически устраивает вылазки к нашим палатам, где мы его некоторое время прячем от воспитательниц. Иногда его находят и с позором изгоняют, но обычно кот уходит сам, ведь у него слишком много важных дел, чтобы подолгу присматривать за нашим поведением, великодушно позволяя себя при этом гладить.

Видимо, мурчащий хитрец воспользовался темнотой и совершил очередное проникновение на запретную для него территорию.

– Фидель, ты меня напугал, не путайся под ногами, – попросила я, продолжив путь к лестнице.

Кто-то может подумать, что говорить с котом – напрасно воздух сотрясать. Но только не в этом случае, потому что Фидель прекрасно все понимает, и если иногда не слушается, то лишь по причине врожденной вредности. Он такой умный, что нам, когда я была в младшей группе, частенько рас-

сказывали, что кот иногда отвечает на вопросы или делает мудрые замечания. И некоторые девочки всерьез в это верили, потому что он и правда ужасно необычный.

Я не верила, я не такая дура. У котиков нет речевого аппарата, мурчать и мяукать – их потолок. Но не сомневаюсь, что в противном случае мы бы много чего услышали от нашего рыжика.

Второй этаж, и здесь чуть светлее благодаря огромным окнам, между ними почти нет промежутков, чуть ли не сплошное стекло во всю стену. При обстрелах некоторые разбились и были прикрыты чем-то непрозрачным – фанерой или картоном, однако оставшихся хватало, чтобы разгонять беспросветный мрак. Но это с одной стороны коридора, с другой – тянулся ряд дверей, и мне нужна четвертая по счету.

Вот она.

Распахнув, шагнула за порог и, всматриваясь в мрак палаты, рывкнула:

– Подъем, лежебоки!

В темноте послышалась приглушенная возня, кто-то охнул, затем сонным голосом Рианны спросили:

– Кто это?

– Шоколадка, разве ты меня не узнала? – Несмотря на нервность обстановки и дурноту, которая так и не покинула меня с момента воскрешения, я не удержалась от пусть и не очень-то веселой, но улыбки.

– Лиска?! Почему ты здесь?! Это ты?! Ты же... – Рианна

резко осеклась, видимо, из опасения даже намекнуть на тему с западниками.

Что после случая с Самантой неудивительно.

– Нет блин, это не я, это мое привидение. Да не визжи ты, я тут подумала, что вас нельзя бросать, пропадете без меня. Бегом все вставайте и одевайтесь, надо быстро уходить. Тинка, тебя это касается в первую очередь.

– Ты чего?! – сонно удивилась Мишель.

– Рыжая, мне некогда объяснять. В Цветнике оставаться нельзя, надо убегать как можно быстрее. Одевайтесь поскорее, одежду выбирайте самую простую. Свет есть?

– Выключатель рядом с тобой.

– Я не о том. Света нет, где фонарик?

– У Дании, она сегодня дежурная, – ответила Бритни.

– Даня, включи, а то вы до утра одеваться будете.

Щелкнуло, темноту прорезал широкий луч. Пройдясь по палате, он уперся в меня, и голос Дании с нажимом спросил:

– Ли, ты что это вытворяешь?

– Я тут мимо пробежала и решила вас выручить. Сюда вот-вот ворвется Черное Братство, все уже сбежали, стаб пустой, про Цветник вообще забыли. Если не хочешь попасть к мурам, шевелись.

– Какая чушь! – фыркнула Миа.

Спорить с азиаткой хотелось так же сильно, как просто общаться, то есть вообще никак, однако я почти спокойным голосом ответила:

– Выйди к воротам и посмотри, за ними даже наших гвардейцев не осталось. Ни одного солдата на южном въезде, и шлагбаум поднят. Все драпают, а вы тут спите, муров ждете.

– Лиска, у тебя кроссовки в чем-то черном, – заметила чистоплотная до смешного Тина.

– Запачкалась, когда к вам бежала. Там по пути сгоревшие машины были, остались от той колонны, в которой меня на запад повезли. Еле тогда спаслась, муры меня чуть не убили.

– Ты их видела? Они хотели убить тебя? Как это было? – затараторили все одновременно на разные лады.

– Тихо! – с нажимом попросила я. – Девочки, времени у нас нет вообще, бегом одевайтесь! И кто-нибудь знает Эйко? Это воспитанница, еще ее могут звать Юми или Юмико.

– Может, кто-то из мелких, – с сомнением предположила Дания.

– Нет, насколько я поняла, она из старших.

– Наверное, перекрестили. Сколько ей лет?

– Не догадалась спросить.

– Ну ты даешь, об этом в первую очередь надо было спрашивать.

– Мне тогда было не до вопросов. Мне и сейчас не до них, давайте вы просто побыстрее оденетесь, у нас и на самом деле нет времени.

В этот момент за спиной раздался голос, который я меньше всего хотела сейчас слышать:

– Элли, что ты здесь делаешь?!

Обернувшись, я одновременно шагнула в сторону, позволяя лучу фонаря как следует осветить заходивших в палату Ворону и Сою. До того увлеклась уговорами ошарашенных девочек, что не расслышала, как воспитательницы шагают по скрипучему паркету.

Вот ведь разиня.

– Как ты сюда попала?! – спросила Ворона, не дождавшись ответа на первый вопрос.

– Ногами пришла, так получилось, – напряженно произнесла я и добавила: – Здесь вот-вот будет целая армия муров, они прошли мимо Пентагона.

– Элли, они не могли пройти мимо крепости, это совершенно невозможно.

– Выгляните в окно, весь город уже разбежался, уезжают последние. Разве такое было когда-нибудь? Люди знают, что вот-вот муры будут здесь, их просто некому останавливать, там на дороге только капитан Лоскут со своими людьми остался, он сказал, что пост не удержит. А может, муры уже здесь, на улице я видела мертвого полицейского, его кто-то убил, и что-то случилось с электростанцией. И Пентагона больше нет, его разнесло громадным взрывом, разве вы не слышали грохот?

– Еще как слышали! – подскочила Мишель. – Тут жутко грохотало, и где-то полопались стекла. Такого грохота никогда не было.

Ворона переглянулась с Соней, и та, покачав головой, без-

жизненно произнесла:

– Эсмеральда так и сказала.

– Тогда почему вы все еще здесь?! – удивилась я.

– Она сказала, что за нами пришлют транспорт и охрану.

Надо дожидаться. Это хорошо, что ты догадалась прийти сюда, уедешь вместе с нами.

В мой почти продуманный план такое не входило, к тому же я не верила, что к нам едет эвакуационная колонна, о чем и поспешила сообщить:

– Не дождетесь вы никого, все только уезжают подальше от Пентагона, никто не едет в город. Надо выбираться, помощи не будет. Девочки, чего застыли?! Ну бегом же! Одевайтесь!

– Элли, ты не можешь здесь командовать, – с неестественной укоризной произнесла Соня.

Ворона, кивнув, добавила:

– Телефоны не работают, госпожа Флора ушла узнать подробности. Когда вернется, тогда и узнаем, что и как нам делать, а пока не мешай девочкам отдыхать. Пойдем, тебе надо попить чаю и рассказать подробности.

– И тем не менее вынуждена им помешать, без чая и подробностей. Давайте-давайте, одевайтесь, не слушайте ее.

Воспитательницы недоуменно переглянулись, а Соня напряженным голосом произнесла:

– Элли, ты вынуждаешь нас пойти на крайние меры.

– Идите вы куда-нибудь подальше со своими мерами, на-

пример – в будку к гвардейцам, которых там нет. Ну быстрее же! Я кому сказала одеваться! Тинка, давай, шевелись, на тебя вся надежда!

– На меня?!

– Ты же попала сюда поздно и говорила, что папа учил тебя водить машину. Поведешь Цветомобиль.

– Лиска, ты с ума сошла, что ли?! Да я никогда даже не пробовала управлять грузовиком, у папы была обычная машина! Маленькая!

Слова Тины меня смутили. Я как-то не подумала, что машины могут быть настолько разными, что, умея водить одну, ты ничего не сможешь сделать с другой. Всегда считала, что если уж научилась чем-то управлять, то теперь тебе подвластна любая техника.

Оказывается, не все так просто. Мой отчаянный план под угрозой срыва, но отступать некуда, и потому, отмахнувшись от всех сомнений, решительно произнесла:

– Разберешься как-нибудь, я в тебя верю. Давай одевайся и бегом к машине.

– Никто никуда не пойдет, – твердо заявила Соня и шагнула в мою сторону.

Я, в свою очередь, отступила назад, одновременно выхватывая пистолет. Направила его на воспитательницу и, стараясь воздействовать на нее словами, твердыми, как сталь (что не очень-то хорошо получалось), приказала:

– Стойте, где стоите! Не подходите, или я выстрелю!

Кто-то охнул, кто-то произнес «мамочка», но в целом после моей вопиющей выходки шум не поднялся.

Ободренная тем, что Соня остановилась, без страха, но с удивлением уставившись на оружие в моей руке, я скомандовала:

– Дания, будь добра, забери у госпожи Сони фонарик. Просто подойди и возьми.

Фонарик у воспитательницы не простой, такие нам не дают. Очень длинный, в прочном металлическом корпусе, им можно стукнуть, как дубинкой, мне такого удара вполне хватит. К тому же в него встроен электрошокер. Это трудно назвать полноценным оружием, но все же его позволено носить только сотрудницам Цветника, причем далеко не всем.

Дания послушалась, приблизилась к воспитательнице, протянула руку, попросила:

– Госпожа Соня, думаю, вам лучше послушаться Элли, она сейчас не в себе.

Та, покачав головой, отдала фонарик и сказала:

– Элли, ты поступаешь очень некрасиво. Пожалуйста, давай поговорим нормально, без всего этого. Я понимаю, ты взволнована, ты на взводе, но тебе надо просто успокоиться и...

– Да я спокойнее всех вас, вместе взятых, – бесцеремонно перебила воспитательницу. – Уж поверьте, после того что видела и слышала, здесь мне волноваться совершенно не о чем.

– Ты не можешь командовать воспитанницами, прекрати это, не надо их пугать. И убери пистолет, ты нервничаешь, он может выстрелить.

– Я никого не пугаю, я просто говорю правду, а не ту ерунду, которую нам вечно втемяшивают по дурацкому телевизору. Жаль, что диверсанты муров своими взрывами оставили вас без света, так бы вы могли сейчас послушать, что на самом деле здесь все спокойно, враг разгромлен за миллион километров до Центрального и волноваться нет причин. Лучше уж помолчите, а то я и правда начну нервничать и нечаянно выстрелю. Тина, да ну их всех, они непробиваемые какие-то, бесполезно разговаривать. Давай, сама одевайся и пошли, говорю же – на тебя вся надежда. И шевелись побыстрее, если не мечтаешь попасть к мурам. А вы стойте, – добавила я для воспитательниц. – Кстати, вы знаете Эйко? Или Юми? Или Юмико? Она воспитанница.

– Зачем она тебе? – настороженно спросила Альбина.

Подозревая, что ей что-то известно, пояснила:

– Я кое-кому дала слово, что вытащу ее отсюда.

– Ее здесь нет, – сквозь зубы процедила Соня. – А ты, Элли, сильно пожалеешь, что такое устроила. Уймись, пока все не зашло слишком далеко.

– Мне как раз это и нужно – пускай заходит.

Ну и ладно, перед господином Дзеном моя совесть чиста. Ведь искала его Эйко, как могла, если ее здесь нет, это не моя проблема (и уж точно не вина).

И все-таки здорово, что сюда заглянула. Теперь есть шанс вытащить хоть кого-нибудь из наших, мне было бы не по себе, узнай, что все они попали к мурам.

В Улье почти не бывает нормальных семей, но людям принято тянуться друг к дружке. Я тянулась к этим девочкам.

Неудивительно, ведь к кому еще мне тянуться?

Воспитательниц обошла стороной, держась настороженно – пусть руки у них пустые, а все равно я опасаюсь, ведь в той же Альбине есть что-то неуловимо опасное, да и Соня тяжелее меня чуть ли не в два раза, открытая схватка против нее надолго не затянется. Косясь на них, шагнула в коридор и закричала изо всех сил:

– Я Элли! И я вернулась! К Центральному приближаются отряды Черного Братства! Спасайтесь все, надо уходить, пока не поздно! Одевайтесь и спускайтесь к главному выходу, машина ждет! – обернувшись к воспитательницам, добавила: – Цветомобиль не увезет всех, вам придется подумать об остальных, особенно о мелких, они сами ни на что не способны, не отдавайте их мурам.

– Элли, ты не понимаешь, – опять затянула свою песню Ворона, – такие решения будут приниматься только после возвращения госпожи Флоры. Сами при всем желании не сможем ничего сделать, мы лишь выполняем приказ директрисы.

– Вернется госпожа Флора или нет – неизвестно. В городе что-то взрывается, и это не похоже на снаряды, а еще на

улицах лежат мертвые полицейские. Я уверена, что некоторые из муров уже здесь, их лазутчики умеют устраивать диверсии. Или кто-то перешел на их сторону, как те люди, которые перерезали телефонную линию и убрали солдат с постов ложными приказами или как-нибудь по-другому. Вам ведь, возможно, тоже говорили про измену, без нее врагам бы пришлось идти в обход, через заграждения и мины, они бы все там остались. Да поймите уже, Центральный в беде, нам и правда надо бежать! – Под конец я сорвалась, спокойный тон сменился чуть ли не криком.

– Ли, я с тобой, – решительно произнесла Дания, выходя на свет фонаря и одновременно застегивая блузку.

– Сходи ко второй группе и к фиалкам, – попросила я.

– Зачем?

– Я думаю, что они продолжают спать. Объясни им как-нибудь, что происходит. Постарайся. Если потесниться, мы все можем поместиться в грузовике.

– Да это же уйма девочек.

– Ну да, будет тесно, но поместимся, толстух у нас нет. Иди. Тинка, ну где ты там?!

– Одеваюсь, Элли, не кричи на меня.

– Ну что там можно так долго надевать?! Тинка, мы, вообще-то, не на смотрины идем, напяль хоть что-нибудь, и побежали!

Подскочила Рианна и затараторила:

– Ли, я уже оделась, я тоже с тобой. Нам никак нельзя

попадать к мурам, они нас сразу выпотрошат и изнасилуют.

Я не удержалась от уточнения:

– А может быть, наоборот?

– Может, и наоборот, невелика разница. Ты правильно поступаешь, мы за тебя все заступимся, если директриса начнет тебя потом ругать. Госпожа Соня, не злитесь на Элли, она ничего плохого не сделает, это ведь наша Элли, вы же ее знаете, она хочет как лучше.

Объяснять, что в моем спонтанном плане нет места директрисе и ее ругани, я не стала – слишком долго и сложно. Вместо этого придумала для Рианны поручение, пусть займется делом, иначе я рискую погрязнуть в ее болтовне.

Она такая – рот не закрывается.

– Ри, сходи в кухонный блок и возьми там несколько бутылочек нектара.

– Зачем он тебе?

– Не мне, а нам. Без еды и воды можно прожить, а без него нельзя. Довольно уже вопросов, бегом вниз. И Тина, умоляю тебя, шевелись, пока мы без тебя не уехали!

Это я, конечно, загнула. Тина – своя в доску, я подругу ни за что не брошу. Но у нее, по-моему, ярко выраженные психологические проблемы на почве внешности. Я ведь замечаю, как бледнеет она при одном намеке на широкую кость, чем постоянно пользуется наша подколотная змея с азиатскими корнями. Вот бедняжка и старается всеми возможными и невозможными способами создать о себе выгодное впе-

чатление.

Это я к тому, что Тину сейчас тягачом не оттащишь от ее шкафчика. Она физически неспособна одеться за пять минут, для нее это попросту невыносимо. Ведь вдруг в чем-то ошибется, допустит безвкусицу, вульгарность, или выбранные тряпки не слишком стильно смотрятся в ночное время. Так что оттащить ее от шкафа не получится, придется подождать до того момента, когда она решит, что если и осталась похожей на чучело, то чучело симпатичное.

Между тем миссия Дании привела если не к успеху, то хотя бы к митингу. Из соседних палат в коридор начали выходить воспитанницы, на все лады обсуждая неслыханный переполох. И, конечно, многие рвались узнать новости из первых уст, то есть на меня посыпалась лавина вопросов, я едва на один из пяти успевала отвечать, заодно непрерывно уговаривая девочек одеваться и уходить.

Цветник известен далеко за пределами Азовского Союза. Есть места, где о владениях Герцога никто ничего не слышал, но даже там могут рассказать, что не так далеко от Песочных Часов располагается место, в которое собирают самых красивых девушек Улья и учат их быть лучшими в мире избранницами, всегда желанными, всеми любимыми. Ну и небылицы к правде приплетают, куда же без этого.

Это легендарное место, Черному Братству о нем, естественно, известно, ренегаты ни за что не упустят возможности прославиться тем, что заполучат главных красавиц Улья.

Не думаю, что нам понравится у этих ужасных людей, все, что о них известно, заставляет меня сейчас рыдать над каждой потерянной секундой.

Медленно. Чересчур медленно. И к тому же подавляющая часть воспитанниц настроена скептически. Но нет времени на уговоры, и я не могу тащить всех силком или под угрозой пистолета. Это будет слишком, и к тому же у некоторых девочек могут найтись умения, которые по эффективности способны поспорить с моим оружием. Их как следует учили применять паранормальные способности ради собственной защиты, так что не стоит нарываться.

Нас тут всех старались учить как следует много чему, иногда настолько неожиданному, что люди за пределами Цветника даже не подозревают о многогранности нашей подготовки.

Истинная красота подобна розе, ей тоже не обойтись без шипов.

– Что это вы здесь устроили? – слышалось вдруг со стороны лестницы.

Вот же, а я-то думала, что она вообще не появится. Но, может, это и к лучшему, теперь не надо будет все время озираться, опасаясь самого нехорошего.

За исключением розового пулемета, калибром меньше восьми миллиметров, оружия в Цветнике нет, зато есть госпожа Агриллия, или, как мы ее между собой называем – Порка. Нет, не подумайте плохого, она не занимается руко-

прикладством, это у нас строжайше запрещено, потому что может негативно сказаться на личностном росте воспитанниц и их самооценке.

Тут дело в другом.

Госпожу Агриллию Стикс одарил умением, помогающим справиться с человеком, но при этом ему не навредить (ну или навредить чуть-чуть). Подробности нам, конечно, не рассказывали, но слухи проскакивали, к тому же я однажды видела ее в деле. Это случилось лет пять назад, когда одна из самых старших воспитанниц неожиданно сошла с ума, ну или просто очень сильно распсиховалась. Дошло то того, что она забилась в угол и, выкрикивая бессвязные слова, размахивала тесаком, стащенным из кухонного блока.

К ней тогда никто не приближался, боялись, воспитательницы в сторонке стояли, а нас разгоняли по дальним углам корпуса. Но я все же успела увидеть, как Порка, подойдя с самым невозмутимым видом шагов на пять, подняла руку, и девочка упала, будто ее сбили с ног сильным ударом. Просто сознание отключилось, она даже лицо об пол разбила, не смогла его защитить.

И вот теперь эта миниатюрная блондинка приближается ко мне с обманчиво-безобидным видом.

Наведя на нее пистолет, я покачала головой:

– Госпожа Агриллия, ни шагу больше. Я сказала, ни шагу!
Сейчас прострелю колени и локти, вы точно этого хотите?!

С неохотой остановившись, она с нажимом произнесла:

– Элли, я не знаю, что тебе в голову взбрело, но для начала давай ты успокоишься.

– Зато я знаю. Госпожа Симона, будьте добры, подойдите ко мне. Держите.

– Что это? – не поняла Соня.

Я, шагнув к стене, отодрала декоративную панель, обнажив короб с кабелями, и ответила:

– Это наручники. Защелкните один на своем запястье, а второй проведите вот за этим самым толстым кабелем. побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь.

Хорошо, что Соня не стала затягивать время, подчинилась молча, явно не горя желанием со мной конфликтовать каким-либо способом, кроме словесного.

Косясь на Порку, я отошла на несколько шагов и скомандовала:

– Подойдите к госпоже Симоне и защелкните второй браслет на своем запястье.

– Элли, но я...

– Никаких разговоров, просто сделайте это. Не переживайте, когда я уйду, ключ отдам кому-нибудь, и вас сразу освободят. Давайте же, быстрее, не заставляйте меня стрелять, я сделаю это, я и не такое готова сделать, меня за эти дни много чему научили. Нехорошему. Не надо тянуть время. Не надо.

Удивительно, но настроенная на конфликт Порка больше ни слова не сказала, подчинилась молча. Не доверяя ее

неестественной покорности, я попросила:

– Кира, проверь, пожалуйста, браслеты. Я не уверена, что они их защелкнули.

Самой проверять – увольте, эта железяка Порке не помещает, оглушит меня, даже будучи скованной.

Молча проверив качество оков, Кира попятилась, ошеломленно выдала:

– Обалдеть, ты только что приковала к стене Порку и Сою. Ой! Простите, госпожа Агриллия и госпожа Симона! Ли, ты это сделала! Ну обалдеть! Ли, можно, я с тобой?!

– Для кого я вообще сейчас говорила? Конечно можно.

– И я с тобой! И я! И я! Нам нельзя здесь оставаться! Можно и мне?! – заголосили с разных сторон.

– Можно, всем можно. – Я воспрянула духом, осознав, что мои решительные действия почему-то благотворно повлияли на некоторых воспитанниц – они начали мыслить правильно.

– Лиска! – крикнула Рианна со стороны лестницы. – Я не могу найти бутылки, там ужасно темно!

– Иди сюда, забери фонарь! И Кира, пойдй с ней, поможешь.

Похоже, у меня больше авторитета, чем я полагала, но, увы, лишь в первой группе, она почти в полном составе зашевелилась. Кто-то уже готов, кто-то еще возится с одеждой, большая часть собирается уезжать. С остальными так плохо, что, скорее всего, вообще никак. Увы, придется оставить их

на попечение растерянных воспитательниц и надеяться, что им и правда помогут до того, как сюда нагрянут мурры.

Говор возбужденных девочек мешал прислушиваться к звукам за окном, но взрывы точно прекратились, такое заглушить невозможно. Другие громкие звуки тоже не доносились, и это ничуть не радовало, а наоборот – наводило на самые мрачные предположения. Перед глазами стояла картина, как через брошенный солдатами въезд в стаб заезжает одна боевая машина за другой и нелюди, которые в них сидят, с хохотом обсуждают, что именно будут делать и куда отправятся в первую очередь.

Боюсь, что в первую очередь этим нелюдям захочется попасть именно сюда.

– Все! Больше никого не ждем! – крикнула я, увидев, что Тина наконец соизволила одеться.

По поводу ее гардероба у меня возникло множество замечаний, но я не настолько глупа, чтобы высказывать их в столь неуместный момент. Не хочу, чтобы она начала эту бесконечную возню заново, мы такими темпами до утра никуда не уедем.

– Последний раз говорю – у кого есть хоть капля ума, уходите с нами! Остальным приятно оставаться и не забудьте передать мурам привет!

Последнее, может быть, прозвучало некрасиво, но кто знает, вдруг это наконец их встряхнет.

Группы не очень-то общаются между собой, система вос-

питания этому препятствует, так что авторитета среди посторонних у меня нет. К тому же девочки привыкли во всем подчиняться воспитательницам, а парочка из них, подоспев на шум, не стала со мной связываться, но и молчать тоже не стала – они бродят по коридору и что-то негромко говорят, злобно косясь в мою сторону. Небось рассказывают гадости, и я даже знаю – о ком. Но совсем уж печальных дурочек в Цветник стараются не брать, значит, есть шанс, что некоторые сумеют понять – я не просто так это представление затеяла, здесь и правда опасно оставаться.

Выскочила на улицу, крикнула стоявшим возле Цветомобиля Рианне и Кире:

– Нектар взяли?

– Конечно, мы сделали все так, как ты сказала, – ответила Шоколадка. – Элли, а что, нас и правда повезет Тинка?!

Отвечать не стала, это может запросто породить сто двадцать пять охов-ахов и столько же новых бессмысленных вопросов, ведь Рианна первостатейная болтушка. Вместо этого я подошла к машине и раскрыла обе тяжелые, оббитые броней дверцы.

– Забирайтесь и встречайте остальных. Рассаживайтесь как следует, неизвестно, сколько придется ехать.

– А куда мы поедем? – не успокаивалась Рианна.

– Подальше, – буркнула я под нос. – А где нектар?

– Да вот же. – Кира показала маленькую бутылку.

– И это все, что вы взяли?! – поразилась я бездне их ту-

пости.

– Ну да, шоколадный, мне такой больше всего нравится.

Что-то не так? Ты такой не пьешь?

Не теряя время на объяснения, я потребовала:

– Фонарь дай, нужно еще принести. Посидите тут.

То, что в Цветнике принято называть нектаром, за счет ароматизаторов и прочих добавок имеет несколько вкусовых оттенков и собственных названий, но я переполошилась не из-за того, что бутылка, выбранная Кирой, мне не по вкусу.

Дело вовсе не в нем.

За пределами Цветника вряд ли кто-то называет такие напитки нектарами. Обычно это различные производные от слова жить: живун, живчик, живило, живец, оживин и прочее в таком духе. А все потому, что жизнь иммунных неразрывно связана с приемом спорового раствора. В некоторых случаях достаточно обходиться без него каких-нибудь пару дней, чтобы довести себя до невменяемого состояния.

Говорят, что самые страшные муки – это муки несчастных людей, доведенных до крайней степени спорового голодания.

Я еще не знаю, сколько девочек решились отправиться со мной, и не представляю, что получится из моей затеи. Зато точно знаю, что маленькой изящной бутылочки из тонкого стекла мне и Тине хватит максимум дня на три-четыре – не больше.

А мы ведь не одни поедем.

Добравшись до нужного шкафчика, раскрыла, убедилась, что запасов нектара хватает, все мне не унести. Начала загружать бутылочки, не обращая внимания на этикетки и цвет содержимого, просто хватала первые попавшиеся и отправляла в проволочную корзинку, прихваченную с ближайшего стола.

Вот теперь можно возвращаться, этого хватит многим и надолго. Какая я предусмотрительная, сама собой восхищаюсь.

Ну да, и не такой станешь после того, как, чуть не рыдая от развивающегося спорового голодания, начнешь с куском стекла охотиться на зараженных.

Выскочив на улицу, увидела, что несколько воспитанниц стоят на крыльце, еще больше их галдит в распахнутых окнах на втором этаже. Как уже они ухитрились их открыть, ведь для этого нужен специальный ключ? Уезжать явно не собираются, даже не переоделись, так и остались в легких халатиках. Но некоторые все же забираются в грузовик, и среди них я увидела тех, от кого меньше всего этого ожидала, – Мию и Лолу.

С первой у меня, мягко говоря, испорченные отношения, и это серьезно, так что она последняя, кого я могла уговорить уехать со мной. А наша вечно спотыкающаяся на ровном месте платиновая дуреха слишком пугливая, послушаться воли воспитательницы для нее – нечто немислимое.

С Мией я общаться не желаю, так что обратилась не к ней:

– Лола, ты тоже едешь?!

– Да, Лиска, я с вами, здесь нельзя оставаться.

– Даже Фидель решил ехать с нами, а он знает, где безопаснее всего, – через дверь прокричала неугомонная Рианна. – Вон даже до Лолы дошло.

Кот забрался в Цветомобиль? Раньше он шарахался от машин, словно от чумы, потому что в молодости его в наказание за различные проделки несколько раз завозили подальше от стаба и выбрасывали. Спустя какое-то время он находил дорогу назад, возвращался исхудавший, с безумно жалостливыми глазами, много мяукал и еще больше кушал, стремительно возвращая былую форму.

Про Фиделя поговаривали, что у него выдающийся нюх на неприятности. То, что он сейчас решился добровольно забраться в ненавистный грузовик, для некоторых воспитанниц оказалось аргументом куда убедительнее всех моих разумных слов и требовательных криков.

Спасибо тебе, умный котик.

– Еще кто-нибудь едет?! – громко спросила я, направляясь к грузовику.

– Куда?! – крикнула Тина из раскрытой кабины. – Лиска, я ничего тут не смогу сделать! Ничего! Мы никуда не поедем! Никуда!

– Завести сможешь? – нахмурилась я, осознавая, что с водителем у нас и впрямь возникли нешуточные проблемы.

– Смогу!

– Значит, и ехать сможешь.

– Нет!

– Сможешь-сможешь, пусть потихонечку, но поедем. Пешком нам нельзя уходить, пешком догонят, муры пешком не ходят.

– Элли, не так быстро, – слышалось сзади.

Я и думать забыла о воспитательницах, так что голос Ворона заставил меня вздрогнуть и потянуться за пистолетом. Но, обернувшись, увидела, что она, похоже, не намеревается силой заставить меня отказаться от дерзкой затеи. Просто идет следом, сверля своим знаменитым колющим взглядом.

Остановившись, я решительно произнесла:

– Вы ничего уже не сделаете, мы уезжаем.

Тоже остановившись в двух шагах, старшая воспитательница тихо произнесла:

– Это ведь никакая не эвакуация, ты опять задумала бежать, так ведь?

– Я сама решаю, что будет дальше. Я теперь не ваша, вы отдали меня западникам, чтобы я там стала женой чудовища, так что до свидания – вы теперь сами по себе, а я сама по себе.

– Ты же знаешь, что не сможешь далеко уйти, а если уйдешь, не выживешь на кластерах.

– Но я хотя бы попытаюсь.

– Хорошо, Элли, это твой выбор. Но мой выбор – приглядывать за девочками. Я не могу позволить Тине вести

машину, ведь если она сумеет тронуться с места, вы уедете не дальше первого столба. И хорошо, если все не уььетесь при этом. Ни одна из вас не обучалась вождению, а этой машиной сложно управлять.

– Лучше разбиться, чем дожидаться муров.

– Не буду спорить, просто позволь мне пройти в кабину, я поведу сама.

– Вы?!

– Ну ты же знаешь, что я хорошо вожу эту машину.

– Но зачем вам... А... я поняла, вы не можете отпустить нас без присмотра. Ладно, идите в кабину. Но, пожалуйста, не надо делать ничего такого, за что я захочу вас высадить.

– Элли, я тебе не враг.

– Госпожа Альбина, я вам тоже не враг, но больше меня никто никому не продаст. Я не товар, запомните это хорошенько, и я постараюсь сделать так, чтобы остальные девочки тоже никогда не стали товаром. И учтите, что я буду сидеть в кабине рядом, так что вы тоже не останетесь без присмотра.

Глава 3

Ночная гонка

Далеко мы и правда не уехали. Нет, Ворона действительно хорошо управлялась с машиной, так что мы выбрались из ворот, ничего не задев и не врезавшись в первый же подходящий для этих целей угол или столб. Но на выезде, на который я указала, нас поджидал нехороший сюрприз.

Шлагбаум опущен и закрыт на замок.

Остановив Цветомобиль, воспитательница бесстрастно поинтересовалась:

– И что дальше, Элли?

Отбросив мысль выехать через открытый северный выезд, навстречу мурам, я ответила:

– Солдат нет, просто шлагбаум опущен. Его можно снести грузовиком?

– Не уверена, зато могу точно сказать, что грузовик пострадает, и я тоже. И вас это касается, если перед этим не покинете кабину. Шлагбаум крепкий, он поставлен специально, чтобы выдерживать удары машин. Если ты не против, мы можем попробовать выбраться через северный выезд, туда направлялись те машины, с которыми мы разминулись.

Это меня не устраивало, ведь туда и правда двигались все замеченные машины, на которых спасались обитатели Цен-

трального. В этом столпотворении вооруженных и зачастую облеченных властью людей мои шансы на успешный побег могут значительно снизиться. К тому же нельзя забывать о Черном Братстве, ведь им не очень-то понравится, что добыча разбегается, они способны принять нехорошие меры и в первую очередь перекроют самый популярный выезд.

Сюда я не просто так направилась, я знаю, что на западной дороге обычно малоллюдно, а сейчас тем более. К тому же там масса возможностей свернуть в тихие местечки и затем затеряться.

Решено.

– Нет, нам нельзя на северный выезд.

– Я не стану ломать шлагбаум грузовиком.

– А я и не прошу вас это делать, просто подождите немного.

Кабина узким проходом соединялась с пассажирским отсеком, так что мне не пришлось выходить наружу. Добравшись до девочек, произнесла:

– Тинка, выйди и стой у двери. Как только крикну, сходишь проверить шлагбаум.

– Что ты собралась сделать? – спросила любопытная Рианна.

– Поехать дальше.

– Но как?

– Увидишь!

– Что увижу?

Разговаривать с Шоколадкой – целое искусство, постичь которое могут только выносливые люди, ведь она способна часами тебя выматывать. Я попросту не стала отвечать на продолжавшие сыпаться вопросы, подняла руку, потянула на себя узкую выдвижную лесенку, забралась наверх и откинула назад плотный брезент, прикрывавший гнездо стрелка от непогоды.

Пулемет никуда не делся, с него пришлось стащить еще один кусок брезента. Осмотрев оружие, убедилась, что лента в него заправлена и патроны в ней выглядят настоящими.

Пора удостовериться в этом на деле.

Из таких штук нам стрелять не давали, но показывали, как это делается. К сожалению, все, что не «попробовала» руками, я запоминаю скверно. Это, правда, касается только таких вот неженственных штуковин, с остальными подобное случается куда реже. Но, как я заметила, принципы работы оружия всегда схожие, так что не видела никаких сложностей с этой стороны.

Нет, вру, одна сложность все же есть. Дело в том, что я немножко побаиваюсь, ведь эта вещь совсем не похожа на наши изящные винтовки. Где ложе из полированного ореха, где узоры на прикладе, где тонкость конструкции и покладистость? Все грубое, создано явно не для моих не приспособленных к тяжелой работе рук. Как же замечательно, что догадалась избавиться от излишков ногтей, мне бы их тут, без сомнения, оторвало под корни.

– Элли, ты еще не кричала?! – послышался снизу голос Тины.

– Нет, не кричала. Сиди и жди. И сама не кричи.

– Но ты можешь меня не слышать.

– Нет, ты сейчас не кричи, после того, что я сделаю.

– А что ты хочешь сделать?

– Выстрелить.

– Зачем?!

– Помолчи уже, ты хуже Рианны.

Пулемет наотрез отказывался изменить положение хотя бы на волосок. Спасибо, что по какому-то наитию догадалась дернуть за выпирающую штучку сбоку, показалось, что она мешает. Так и оказалось, оружие словно ожило и на удивление легко подчинилось. Теперь я почти не чувствовала его тяжести, но при этом отчетливо понимала, что в моих руках сейчас сосредоточена такая мощь, к какой они до этой ночи никогда не прикасались.

Боже, какой же ужасный у этого чудища прицел. Не в том дело, что в нем нет изящества, а в том, что...

В общем, ужасный он – и точка.

В темноте не получилось разглядеть мушку и потому крикнула Тине:

– Бегом возьми фонарь и посвети на замок!

– Подойти к нему?!

– Ни в коем случае! Стой за дверцей, пусть тебя прикрывает, пуля может отскочить назад, там ведь все железное!

– Пуля?!

– Я хочу разнести замок из пулемета!

– Может, тогда лучше включить фары?!

Идея неплохая, ведь я сказала Вороне ехать на системе ночного видения, и она послушалась. Не хотелось привлечь внимание. Но пока спущусь к ней, пока она со мной поспорит, пока сделает по-моему – время пройдет, а я почему-то твердо уверена, что тикают если не последние спокойные секунды, то минуты точно.

Интуиции надо верить, и потому я не согласилась:

– Нет, Тина, давай фонарь. И пожалуйста, побыстрее.

С фонарем мушку тоже не очень-то хорошо видно, но все же разглядеть удалось. Пришлось только немножко повозиться, чтобы навести ее на нужное место, после чего с душевным трепетом потянула за спусковой крючок.

Пулемет не выстрелил и даже не щелкнул.

– Вот ведь дура! – не выдержала я, обругав себя в голос.

– Ты там кому? – спросила снизу Тина.

– Не тебе.

Объяснять, что забыла взвести пулемет, не стала. Такая ошибка даже для мелких воспитанниц недопустима, но я все же ее совершила, так что и правда веду себя крайне глупо.

Блин, надо настроиться как следует, слишком много нервов, слишком свежо в памяти расставание с западниками, оно было непростым, до сих пор мутит, в висках поселилась пара неугомонных дятлов, иногда головокружение накаты-

вает, и временами хочется взвыть или впервые в жизни закатить истерику.

Сама не своя от всего этого, после столь неприятных приключений полагается неделю отлеживаться, а не устраивать подобное. И суток не прошло с моей самой настоящей смерти, а я, вместо того чтобы смиренно лежать в могиле, занимаюсь черт знает чем.

Ввести, опять повозиться с противной мушкой, опять замуриться и с вернувшимся душевным трепетом потянуть за спуск.

Гроыхнуло так, что я чуть не оглохла, а перед глазами потемнело – слишком уж много мне в последнее время доставалось, слабину даю. Пулемет подпрыгнул, заставил дернуться, рассмотреть – попала или нет – не смогла и поэтому закричала:

– Тинка!

– Что?!

– Иди к шлагбауму и посмотри на замок! Я не знаю, попала в него или нет!

Открылась дверь кабины, Ворона напряженным голосом спросила:

– Элли, что ты там устроила?!

– Пытаюсь сломать замок!

– Оригинально!..

– Ну так я же у вас уникальная, я обязана быть оригинальной!

– Элли! – крикнула Тина.

– Что?!

– Ты не попала в замок!

– Блин!

– Но он открыт, нужно только вытащить дужку! Вытаскивать или будешь еще стрелять?

– Да ты издеваешься, что ли?! Конечно вытаскивай!

Когда я вернулась в кабину, старшая воспитательница, даже не покосившись в мою сторону, высказалась не без иронии:

– Я очень удивлена, что ты не стала стрелять дальше. Все еще хочешь сбежать? Уверена, что это прекрасная идея?

– Все ошибаются, я тоже ошибаюсь, так что не надо давить только на мои ошибки, у вас и своих хватает. И давайте уже поедем, дорога открыта.

* * *

Неприятности не любят ходить поодиночке. Не помню, где я это слышала, но, похоже, так и есть. Все они, или почти все, собрались в кучу и решили зайти в гости к одной особе, которая неплохо устроилась и до последних дней была уверена, что это если не навсегда, то надолго.

Ну и приперлись.

Ко мне.

Кластеры, прилегающие к внутренним стабам Азовского

Союза, вычищаются почти подчистую сразу после перезагрузки. Твари там не успеют развиваться, заразившихся обычно перехватывают еще до перерождения. А уж чтобы при таком контроле измениться до опасных форм – вообще невероятная редкость. Если и появляются здесь такие, то, как правило, они забредают издали, зачастую ухитряясь преодолеть не один периметр и кучу линий электронного контроля.

Встретить две в одном месте – вообще фантастика.

Но на нас бросились именно две, не успели мы и пяти минут проехать. Только-только миновали основную развязку, Ворона начала прибавлять скорость, как вдруг испуганно вскрикнула, вывернула руль и, откинув наверх маску, на которую транслировалось изображение с системы ночного видения, зачем-то включила все фары.

Хотя стекла прикрыты густо перфорированным стальным листом, мне пришлось зажмуриться – хорошенько по глазам ударило, чуть слезы не брызнули. Уж очень много источников света установлено на машине со всех сторон, и все они ужасно яркие.

Несмотря на то что почти закрыла глаза, в залившем дорогу сиянии сумела разглядеть две корявые фигуры. Зараженные, явно переросшие начальную стадию развития, тоже были застигнуты врасплох световым ударом, но, в отличие от меня, его последствия не сгладила продырявленная сталь. Так что получили полную дозу и от неожиданности остолбенели, отшатнулись, прикрывая глаза скрюченными лапами.

Ворона, каким-то образом ухитрившаяся не ослепнуть, сохранить контроль над разогнавшимся Цветомобилем, чуть повернула и сумела тяжелым хитроумно устроенным бампером подмять сразу обоих мертвяков. Тихий стук, несильный толчок, и вот дорога стала пустынной, а вот фары гаснут, и возвращается прежняя темнота.

– Почти как в старые добрые времена, – с непонятной радостью произнесла Ворона.

Ее слова почему-то заставили меня высказать совершенно неуместный и волнующий всех без исключения воспитанниц вопрос:

– А сколько вам лет?

– Меньше, чем ты думаешь, я не такая уж старая ворона.

Должно быть, я покраснела, потому что почувствовала жар на лице. Ну откуда старшая воспитательница может знать, как мы ее между собой называем?

Наверное, оттуда же, откуда мы узнаем то, что для нас не предназначено...

Решила не развивать интересно-скользкую тему, спросила о куда более важном:

– Мне показалось, что это были Yellow-три, а может, даже четыре. Откуда они здесь взялись? Сразу два опасных зараженных, ведь так не бывает.

– Бывает, Элли, в Улье и не такое бывает.

– Но мы ведь возле Центрального, здесь и одного развитого найти трудно.

– Зато здесь хватает ферм, где полным-полно таких же ослабленных неповоротливых тварей, вечно обколотых хлопьями, и кто-то прямо сейчас устраивает взрывы. А может, и не только взрывы. Ты ведь у нас умная, дальше сама догадаешься.

Да уж, тут даже Лола поймет.

Во внешних мирах фермами называются сельскохозяйственные предприятия, где занимаются выращиванием животной и растительной продукции. Но у нас в этом нет необходимости, все, что необходимо для жизни, сыплется сюда нескончаемым потоком при перезагрузках. Разве что цветы для красоты на клумбах выращивают, ну и мелочи вроде свежей зелени лучше собирать со своих грядок, если любишь свежее и сочное.

Поэтому фермы под Центральным не простые. Люди по всему Улью пытаются развивать зараженных в неволе, потому что охота на них сопряжена с трудностями, опасностями и материальными убытками. К сожалению, взаперти они обычно или быстро замирают на одной стадии, вообще не развиваясь, или чахнут и умирают без малейшей пользы. Лишь немногие растут, но очень медленно и не до самого конца, где из мертвяков можно получить лучшие призы. Как их не корми, а все равно помогает редко. Говорят, Стикс против любого ограничения свободы, но я в это не верю.

Потому что моя жизнь – сплошная несвобода, и, судя по всему, на это всем плевать.

И Стиксу в том числе.

На наших фермах тоже пытались решить эту проблему. Не знаю, насколько успешно, но слышала, что там содержатся сотни самых разных тварей. Наверняка это известно и Черному Братству, а если так, они могут не ограничиться взрывами электростанций, вышек связи и прочего в таком духе. Им несложно послать один или несколько отрядов к местам компактного размещения опасных зараженных и каким-нибудь способом выпустить их на волю. Мертвяки в округе такой террор устроят, что одиночкам и мелким группам не выжить, то есть спрятаться на местности у них не получится, монстры быстро найдут. Твари, наверное, очень злятся за то, что их удерживали в клетках, и горят желанием отомстить обидчикам, а то, что их ослабляли инъекциями метанола и споровых жмыхов, не превращает беглецов в безобидных созданий.

Нам повезло, Ворона сумела воспользоваться нерасторопностью освободившихся зараженных, подставить их под удар, другим может повезти меньше.

Чем больше сейчас неразберихи, тем лучше для муров. Центральный стаб отнюдь не самый населенный, но те, которые располагаются дальше, очень даже привлекательны, если ты хочешь убить или схватить как можно больше развитых иммунных (именно их высоко ценят внешники). Не удивлюсь, если их главная цель именно там, а наш кластер – всего лишь затравка для большого переполоха.

Я резко дернулась вперед из-за неожиданного торможения и чуть ли не с обидой вскрикнула:

– Зачем вы останавливаетесь?! Тут зараженные!

– Элли, да посмотри ты, наконец, на экран! – тоже закричала Ворона, причем таким голосом, что я передумала высказываться дальше.

Впервые за все время нашего знакомства она показала, что не всегда умеет сохранять ледяное спокойствие.

Тем временем старшая воспитательница склонилась ко мне и нажала одну из кнопок на панельке между сиденьями пассажира и водителя.

Три темных прямоугольника, расположенные передо мной, засветились, передавая серую картинку. Теперь я могла видеть происходившее перед грузовиком и частично по сторонам – камеры, это обеспечивающие, были чуть повернуты вперед. Наверное, через эту систему можно посмотреть и назад, так было на дредноуте западников, но я не знала как, ведь никто не учил жать на правильные кнопки.

Да и пока не очень-то надо, то, что перепугало нашу водительницу, располагалось как раз впереди. Поперек дороги лежал перевернутый набок огромный грузовик с непомерно длинной цистерной на прицепе. С кабины сорвана часть защиты, и видно, как две фигуры, очень похожие на те, которые остались позади, забравшись внутрь, занимаются чем-то непонятным, и выяснять, что именно они там делают, мне ни капельки не хочется.

Ехать дальше мы теперь не могли – цистерна перегорела путь, поэтому и пришлось тормозить. Осознав это, я спросила:

– Будем разворачиваться?

– Нельзя, – напряженно ответила воспитательница, выворачивая руль. – Та парочка осталась позади нас.

– Но они попали под колеса.

– Я не знаю, что с ними, зато знаю, что кроме них будут другие.

– Но вы же все равно разворачиваетесь.

– Не совсем... Держись, Элли!

С этими словами старшая воспитательница направила грузовик на ограждение. Цветомобиль смял его с протяжным скрежетом, будто полосу бумаги, после чего, неистово трясясь и бешено подпрыгивая, понесся вниз по короткому, но крутому склону. Позади дружно заорали на несколько голосов, возможно, я тоже присоединилась к этому хору, а может, и Ворона своего ора добавила – не удивлюсь.

Очень уж было страшно, казалось, что вот-вот перевернемся, после чего на нас набросятся такие же зараженные, как те, которые забрались в кабину опрокинувшегося грузовика.

Удивительно, но мы не только удержались на колесах, но и оказались на какой-то дороге, причем я даже не знала, что она здесь есть. Без асфальта, но хорошо накатанная, машина начала быстро разгоняться.

Потихоньку успокаиваясь, решила похвалить ту, которая только что так эффектно вытащила нас из неприятностей:

– Альбина, вы прекрасно водите грузовики, Тина ни за что бы не справилась.

– Элли, ты видела машину слева?! – чуть не вскрикнула Ворона.

– Нет, – ответила я, и тут же напряглась – впереди во мраке протянулись знакомые линии, пульсирующие красным, напомнив, что ко мне вернулись потерянные недавно умения и пора бы начать разбираться с принципами их работы.

Но сейчас не до этого, ведь почти сразу вслед за вспыхнувшим свечением донесся грохот близкой пулеметной очереди.

Увидев, что отливающий зеленым трассер пронесся перед бампером грузовика, я ошеломленно произнесла:

– Что они делают?!

– Стреляют в нас, – сквозь зубы ответила Ворона, заставляя мотор грузовика реветь еще громче.

– Но почему?!

– Наверное, это твои муры подъехали, свои по Цветомобилу стрелять не станут, его здесь все знают.

– Муры вовсе не мои. Давайте быстрее, вон деревья начинают, за ними они нас не увидят.

– Элли, они уже нас не видят, мы под холм заехали, вот и не стреляют. Но у них там машина – пулеметный пикап. Быстро догонят, на грузовике нам от него не оторваться.

– И что тогда делать?

– Это ты у меня спрашиваешь?

– А у кого мне еще спрашивать?

– Вообще-то – это твоя затея.

– Я на муров не рассчитывала, мы должны были просто уехать.

– Тогда быстрее забирайся наверх и стреляй, как только их увидишь.

– Но я за двадцать шагов в замок не попала.

– Ну и что с того? Все равно лучше тебя никто в группе стрелять не умеет.

– Тина умеет.

– Из пистолета, Элли, всего лишь из пистолета. Довольно споров, быстрее наверх! Прицел выставлен на двести метров, старайся не стрелять, когда они будут далеко, иначе быстро останешься без патронов.

Ну замечательно, мне теперь придется забираться в гнездо стрелка и сидеть там, в то время когда машина быстро мчится мимо каких-то склонов, заросших деревьями и кустами. Я столько лет прожила в Центральном, но не помню эту местность, по-моему, нас здесь никогда не возили.

Наверху мне ни капли не понравилось. Стоило развернуть турель назад, как встречным потоком воздуха волосы, и без того много чего сегодня повидавшие, перекинуло вперед, и они начали развеиваться перед лицом, словно хвост бешено мчащейся лошади. Я с сожалением вспомнила косу, которую

мне заплетали перед злополучными смотринами, может, она мне и не идет, зато как практично в тех случаях, когда тебя посылают стрелять из пулемета на высокой скорости.

Во мраке вновь проявились угрожающе-красные линии – слегка размазанные, но на этот раз куда четче тех, которые я наблюдала при разгроме колонны западников. Должно быть, умение проявилось до конца или около того. И я не забыла, что, если где-то замечаешь тревожную пульсацию, нужно держаться от нее подальше.

Но как это сделать, если линии идут и параллельно грузовику, и сквозь него? Да что там говорить, в некоторые мгновения они и меня касаются, я ведь двигаюсь вместе с машиной, а ею управляет водительница, которая не видит эти предупреждения.

Далеко позади во мраке засверкало, оттуда потянулись завораживающе красивые светлячки трассирующих пуль. Вот только меня они ни капли не радовали, потому что прекрасно понимала – любой из этих огоньков может убить или страшно покалечить.

Нетрудно догадаться, что это стреляет пулемет, установленный на догоняющем нас пикапе. Опасная для ездовых машина, на которой по Улью катаются или очень отважные, или просто обделенные интеллектом люди, ведь даже не самая сильная тварь может легко убить их всех, неожиданно выпрыгнув из засады. Обычно подобные экипажи долго не живут и, наверное, прекрасно это понимая, ведут себя так, буд-

то каждый день у них последний, а значит, можно делать все, что угодно, ничего и никого не стесняясь.

Они никогда не упускали возможности задорно посвистеть вслед Цветомобилю, послать воздушный поцелуй или даже показать неприличный жест, а некоторые даже пытались нас преследовать, громко признаваясь в любви или высказывая непристойности. Причем гвардейцы их отгоняли неохотно, наверное, уважали за тот риск, с которым постоянно сталкиваются пикаперы.

На этот раз они гонятся за нами не затем, чтобы в любви признаться или проинформировать о завышенных размерах определенных частей их тел. Шутки закончились, началось нехорошее, а гвардейцев поблизости нет.

Придется как-то самим справляться.

Сколько до них? Как там говорила Ворона? Если будет больше двухсот метров, стрелять нельзя. А сколько до этих вспышек? И как попасть в их источник, если машину нещадно трясет и раскачивает на неровностях грунтовой дороги?

Я уж не заикаюсь о том, что мой дебют с пулеметом откровенно не задался.

В грузовике подо мной что-то резко и нехорошо стукнуло, и я догадалась – в нас попали. Спасут ли стальные листы и решетки от такого? Решетки точно нет, а вот остальное – может быть, ведь нам говорили, что от легких пулеметов защита у нас хорошая, если не подставляться под огонь в упор.

Еще одно звучное попадание и сразу вслед за этим еще.

Похоже, тот, кто по нам стреляет, профессионально обращается со своим оружием, мне до него далеко. Остается понять, какой у него пулемет – из тех, которые для нас опасны, или ерундовый.

Увы, я в этом совершенно не разбираюсь. Может, Данию попросить подняться и посмотреть? Ну и что она разглядит в этом мраке? Нет – полный бред, не надо сюда никого за-таскивать, это бессмысленно.

Даже не задумываясь, потянула спуск. Пулемет дернулся, выпустив короткую очередь, едва не намотав при этом на рукоять ожившего затвора мои развевающиеся волосы. Я не поняла, куда полетели пули, и стала хуже видеть – вспышки, вырывающиеся из ствола, ослепили, несмотря на прищуренные глаза.

А что преследователи? А ничего – они так и продолжали расходовать патроны, никак не отреагировав на то, что их тоже пытаются обстрелять.

Нет, я определенно не сумею попасть. Не знаю, сколько между нами метров, но удерживать столь неудобную мишень в прицеле на ходу не получается. Плюс ко всему опять возникла проблема с мушкой – ее невозможно разглядеть. Но, в принципе, пока что все не так уж и плохо, пускай Цветомобиль – огромная цель, они в него попадают нечасто.

Только об этом подумала, как по железу гулко простучало несколько раз, я даже не сумела сосчитать, сколько именно пуль в нас прилетело. И, несмотря на рев мотора, выстре-

лы и свист ветра в ушах, отчетливо расслышала, как кто-то вскрикнул.

Не похоже на крик страха, а вот на крик боли – очень похоже.

Это расстроило меня настолько, что я чуть не забыла об экономии патронов. Даже не знаю, сколько перевела, нажимая на спуск снова и снова, чтобы погасить этот вспыхивающий в ночи цветок, разбрасывающий такие красивые и такие смертоносные искры.

Непохоже, чтобы хоть раз попала, невидимый враг не унимался, и мне до него бесконечно далеко, потому что нет-нет да и опять раздавались пугающие удары по машине.

А это что такое?! Пикап, похоже, обнаглел – он приближается. Я теперь не просто вижу вспышки его оружия, я разглядела смутный скользящий по дороге силуэт – догоняет, чтобы расстрелять в упор. А, нет, просто показалось, все в порядке, дистанция не сокращается, просто тут белым-бело, темный автомобиль выделяется на этом фоне.

Почему здесь белый асфальт и обочины? А потому что на этом кластере располагается меловой карьер, вокруг него все засыпано меловой крошкой, и особенно это заметно на дорогах, где раньше, еще во внешнем мире, ездили груженные добытым самосвалы. Я наконец узнала место, хотя бывала здесь всего лишь однажды и давно. Но, к сожалению, не припомню подробности, которые могли бы сейчас пригодиться.

Попыталась навести пулемет как следует, но куда там –

машину болтает пуще прежнего, мушку как не видела, так и не вижу, совершенно не похоже на безответный расстрел мертвяков, регулярно проводимый для старших воспитанниц. А палец прямо чешется, хочется жать на спуск, не давать слабину, стараться удержать взбесившееся тяжелое оружие в правильном положении и смотреть, как трассеры улетают в цель.

Цветомобиль резко развернулся, когда я уже почти решила пострелять от души – пикап действительно начал приближаться, теперь его можно рассмотреть на любой дороге, а не только на посыпанной мелом. Причем маневр оказался столь внезапным, что я, не ожидая такого подвоха, больно стукнулась локтем.

Но не успела ни удивиться, ни возмутиться, как поняла причину, по которой Вороне пришлось так поступить: справа промелькнуло что-то быстрое и страшное, пытающееся корявыми когтистыми конечностями дотянуться если не до меня, то хотя бы до защитной решетки.

Ну а там уже моя очередь подойдет – всего ничего останется.

Показалось, что даже глаза зараженного разглядела, но это, конечно, обман зрения, слишком уж темно, да и слишком быстро мимо пролетел. Не сумел ухватиться, резкий маневр стал сюрпризом и для него, и оттого опасно развитый мертвяк потерял равновесие и, плюхнувшись, покатился по дороге. Я было рефлекторно начала опускать пулемет, наво-

дя на тварь, но тут же передумала.

Не стоит переводить патроны, ведь, как ни странно, этот мертвяк имеет шанс стать нашим временным союзником.

Мои предположения оправдались – промахнувшийся зараженный, вместо того чтобы броситься вслед за грузовиком, поступил куда благоразумнее и выгоднее для нас. Зачем устраивать погоню с сомнительными шансами на успех, если прямо к тебе мчится еще одна машина? Пусть она и поменьше первой, но вкусные люди там тоже найдутся.

Не поднимаясь на ноги, зараженный бросился навстречу пикапу, да так ловко, будто всю свою кошмарную жизнь только и занимался тем, что носился на четырех конечностях.

Возможно, так оно и есть, если «предок» у него не человек, а какое-нибудь животное. Я ведь не успела разглядеть подробности, все может быть.

Враги не могли не видеть зараженного, тоже ведь едут без фар, значит, у них есть такое же оборудование, как сейчас у старшей воспитательницы. И не исключено, что на пулемете в пикапе установлен ночной прицел, поэтому так метко стреляет.

Но оружие преследователей умолкло – может, ленту перезаряжают, может, заклинило, а может, патроны закончились. Воины Черного Братства зачастую употребляют сильнодействующие наркотические препараты и под их влиянием способны совершать самые ненормальные поступки, со-

вершенно не контролируя себя, а уж расход боеприпасов – и подавно.

Странно, как это они с такими вредными привычками сумели добраться до Центрального?

Пикап резко ушел в сторону, одновременно окутываясь струями пламени. Я поначалу обрадовалась, решив, что у них какая-то беда приключилась, но потом поняла – преследователи просто включили горелки, пытаюсь отогнать развиготого зараженного.

И заодно прекрасно себя осветили, впервые за все время подарив мне возможность как следует рассмотреть мушку.

Палец не выдержал, чуть сжался, пулемет встряхнуло, показалось, что на этот раз я точно попала, вроде бы машина врагов в этот миг вильнула, водитель среагировал на удары пуль по корпусу.

Так это или нет – не знаю. Огонь погас так же внезапно, как вспыхнул, а грузовик начал разгоняться на крутом спуске. Перегиб рельефа прикрыл пикап от моего огня, я больше не видела муров и не знала, чем они теперь занимаются.

Хорошо, если прямо сейчас пытаются разобраться с громящим их машину зараженным, тогда им некоторое время будет не до нас. А если мертвяку повезет, так и навсегда отстанут.

Склонившись вниз, крикнула:

– Передайте кто-нибудь Вороне, пусть едет как можно быстрее! Они отстали, но я не знаю насколько! Нужно от них

оторваться!

– Элли! – перепуганным голосом ответила снизу Бритни. – Рианну ранило! Ее сильно ранило!

– Помогите ей и передайте Вороне то, что я сказала! Это важно!

Шоколадку ранило? Плохо, ужасно плохо, вряд ли рана легкая. Мне достаточно покоситься чуть правее, чтобы оценить пугающую мощь вражеского оружия – пуля легко пробила щиток, который частично прикрывает стрелка, при этом крохотный осколок больно ущипнул скулу. А ведь там толстая сталь, я не думала, что такое вообще возможно, если речь не идет об артиллерии. Однако зияющее в металле отверстие говорит, что да – еще как возможно.

Отверстие выглядит ужасно большим. Если такая же штука попала в Рианну, все может очень плохо закончиться. Я хочу спуститься вниз, чтобы взглянуть на нее, и одновременно не хочу. Я же не врач и не знахарь, и вообще – мое место здесь.

А там кричат и вроде бы даже ругаются. Судя по словам, которые иногда различаю, несмотря на свист ветра в ушах, пострадала не одна Рианна. Но грузовик остался на ходу, мы все еще едем, и едем быстро. Так быстро, что выскочивший из кустов очередной мертвяк отстал уже через несколько секунд, хотя этот был куда страшнее всех, кого я сегодня видела. Скорее всего, он дорос до стадии Violet-1, или, говоря почти простым русским языком – развился до фиолетовой

части классификационной шкалы зараженных.

Серьезная тварь.

Снизу стукнули по ноге, Тина, перекрикивая шум мотора и свист ветра в ушах, прокричала:

– Лиска, ну что там?!

– Они отстали! А что у вас?!

– В нас стреляли, у нас теперь нет света, мы ничего не видим!

– Светите фонариками!

– Но мы не можем их найти!

– Так поищите! Я не могу вам помочь, я должна сидеть тут! И найдите аптечку, Рианну надо быстрее перевязать, если рана сильная!

– Лиска, там все очень сильное! И ранена не только она!

– Ну так перевязывайте!

Вот ведь, блин, хуже детей! Ну что я им сейчас могу сказать хорошего?! Меня саму колотит так, будто попала под разряд высокого напряжения. Очень напоминает тот самый случай, когда, подготавливая побег, забралась в распределительный шкаф для изучения возможности оставить Цветник без света.

Почему грузовик едет как-то странно? Почему Ворона так сильно тормозит перед поворотами, ведь раньше она в них влетала, почти не замедляясь. И скорость у нас заметно снизилась, мы больше не несемся словно ошпаренные. Обочины на этом участке чистые, но если опять появятся заросли, то

мертвяк, выскочив из них, легко зацепится за неторопливо едущий грузовик. Или прямо на меня прыгнет, это ведь не настоящая боевая машина, это знаменитый розовый Цветомобиль, он никогда не ездит сам по себе, он всегда с сильной охраной.

Но только не этой ночью.

Смешная и яркая игрушка, забавная жестянка на колесах, а не полноценная боевая машина.

– Тинка! Тина! – закричала я.

Та ответила не сразу:

– Что?!

– Вы передали Вороне, что надо ехать быстрее?!

– Мы ей это кричали!

– Спроси ее, куда она едет! Быстрее спроси!

– Сейчас!

Ждать пришлось безумно долго. Они там что, чаепитие с задушевными беседами затеяли?

Наконец снизу донеслось:

– Госпожа Альбина сказала, что она едет на север!

Не Ворона, а Альбина, да еще и госпожа? Это что еще за обращение, воспитательница ведь вряд ли может нас услышать из кабины, даже я едва слышу.

– Тинка, ты чего?! Что-то не так?!

– Мне кажется, что в нее тоже попали!

– Ворону ранило?!

– Наверное! И еще она говорит, что у нас не работают тор-

моза!

– Но ехать можем?!

– Ну ведь едем же! Она как-то странно говорит! И она сказала, что нам будет хорошо, надо просто немножко проехать!

В этом я с ней солидарна, хотя точно знаю, что до мест, где нам, возможно, будет хорошо, этот грузовик никогда не доберется.

Хорошо, если он сумеет удалиться хотя бы на такое расстояние, на котором отставший пикап нас не найдет.

Если подумать, то, скорее всего, он не станет продолжать погоню. Сами по себе пикапы ничего опасного не представляют, они почти всегда колесят в составе колонн, где хватает могучей техники, от которой далеко не отрываются.

Я очень хочу верить, что такую не отправят за нами.

Небо на востоке уже чуть посветлело, но сумерки не торопились отступать, видимость не радовала. Но как я ни всматривалась назад, ни малейшего признака того, что нас преследуют, не заметила. Очень хочется верить, что враги и правда отстали или даже отказались от погони.

Грузовик притормозил перед очередным поворотом, но все равно вписался в него плохо, колеса с одной стороны заехали за обочину и прошли по высокой траве. Дальше дорога пошла вниз, мы все больше и больше разгонялись, того и гляди, достигнем тех скоростей, на которых начиналась гонка.

Я очень этого хочу, потому что мы безумно рискуем, передвигаясь по кластерам на плохо защищенной и хорошо заметной машине, единственного стрелка на которой ничто не защищает от хватких монстров Улья.

Нет, мы не просто разгоняемся, мы едем в высшей степени ненормально. Цветомобиль все ближе и ближе прижимается к краю дороги, вот уже колеса опять выскочили за обочину, начало трясти так немилосердно, что того и гляди обзаведусь новыми сколами на перестукивающихся зубях.

Обернувшись, увидела, что спуск вот-вот закончится низиной, где с одной стороны от дороги поднимаются заросли тростника, а с другой – темнеет небольшое, сильно вытянутое озеро. Если мы и дальше будем так уклоняться, то придется Цветомобилю искупаться.

– Тина! Тинка!

В ответ тишина, а озеро стремительно приближается. Страшно бросать боевой пост, по обе стороны дороги тянутся не такие уж редкие лесополосы, местами в них может спрятаться целая орава чудовищ, кто-то должен оставаться за пулеметом.

Нет, не будет от оружия никакого толку, если влетим в озеро.

Решившись, скатилась вниз, при этом кого-то сильно задев ногой. Но не извинилась и вообще ничего не сказала, молча направилась к кабине. Хотя снаружи уже светало, здесь все еще сумрачно, почти ничего не видно, и, может,

это к лучшему, ведь я не хочу разглядеть то, что на весь отсек источает запах крови.

Старшая воспитательница сидела на своем месте, держась неестественно ровно и продолжая сжимать руль. Но даже не пыталась его крутить, а ведь мы уже влетели на бездорожье всеми колесами.

– Госпожа Альбина! Аля! Ворона! Карга глухая! Да не молчи ты! – на все лады прокричала я, паникуя из-за безответности все больше и больше, а затем догадалась встряхнуть ее за плечо.

Воспитательница застонала так жалобно, что у меня сердце сжалось. А затем, склонив безвольно раскачивающуюся голову, как-то странно всхлипнула и, наконец, начала выкручивать руль влево.

Увы – слишком поздно, сквозь смотровые щели я разглядела неумолимо приближавшуюся тростниковую стену. Только и успела, что отшатнулась назад, вылетела из прохода в кабину, припала к полу, ухватилась за основание ближайшего кресла и сжалась в ожидании неминуемого удара.

Но это не очень-то помогло, когда машина, не замедляясь, всей своей тяжелой тушей влетела в воду. Меня оторвало от опоры и приложило боком так жестко, что не удержалась от крика.

Звуков при этом было много. Громкий всплеск, звон стекла, дикий скрежет и жуткий хруст, отдавшийся во всем теле. Остается надеяться, что это захрустели не мои кости.

Глава 4

Озеро

Каким образом я оказалась на траве, в двух шагах от зарывшегося кабиной в воду грузовика, – не представляю. Будто само собой получилось, ведь сознание при этом явно отключилось. Только что куда-то карабкалась в переполненном хоровым визгом чреве Цветомобиля, и вдруг – раз, и уже стою на подозрительно короткой травке, очень похоже на небрежно подстриженный газон.

Нет, это не может быть газоном – вообще на лужайку не похоже. Просто дикий берег грязноватого озерца, вокруг только кусты и деревья, к которым никогда не прикасался секатор садовника, ни одного дома ни поблизости, ни вдали не видно.

Ну кому взбредет в голову стричь траву в безлюдной местности?

Машина не утонула, не хватило скорости, чтобы настолько далеко заехать, да и не выглядит этот водоем глубоким. С тормозами у Цветомобиля что-то приключилось, но, наверное, Ворона пыталась замедлиться другими способами, в том числе заглушив двигатель. Хотя не знаю, может, он сам заглох при ударе. Но, так или иначе, грузовик остановился, кабина погрузилась настолько, что нижние части дверок ока-

зались под водой, но в пассажирский отсек она если и проникла, то в небольших количествах. По крайней мере, я выбралась сухой.

Хотя...

На левом рукаве водолазки приличное влажное пятно, и от него остро несет кровью. Причем она не моя, я не ранена, разве что бок ушибла, но не сильно, ребра вряд ли пострадали до трещин.

Грузовик всего лишь машина, он не может истекать кровью. Значит...

Начала пересчитывать девочек, растерянно стоявших и сидевших на берегу. В гудящей голове цифры путались, к тому же очень хотелось все бросить, лечь и уснуть. В общем, воспитанниц почему-то получалось слишком много. Наконец, собравшись с силами, догадалась просто пробежаться по лицам и требовательно спросила:

– Где Рианна?

– Ее ранило, – ответила Кира.

– И почему вы ее не вытащили?!

– Но... Но Лиска, не надо на нас кричать. Ее ведь сильно ранило, зачем ее вытаскивать.

– Не слушай ты эту дуру, – заявила Миа, со страдальческим видом потирая плечо, где на платье виднелась неряшливая прореха. – Шоколадки больше нет, она умерла.

– Да что ты такое говоришь?! – возмущенно вскинулась Кира.

– А что мне еще говорить, если пуля разбила ей голову?!
Вон, посмотри на Лолу, она даже слова сказать не может, на ней лица нет, потому что прямо в нее отлетел глаз Рианны. Дура ты недоделанная, неужели и правда думаешь, что ее всего лишь ранило?!

– Заткнитесь обе, – устало проронила я. – На ваши вопли со всего Улья мертвяки сбегутся.

Не знаю, наврала Миа насчет глаза или нет, но Лола, панически пугавшаяся всего, что связано с тварями, тут же нарушила приписанное ей гробовое молчание и чуть ли не взвыла:

– Лиска, здесь есть зараженные?!

– Боже ты мой, да мы тут точно умрем с такими тупыми вопросами! – простонала Миа, продолжая потирать плечо.

Это я уже боком слушала, забираясь в машину. Несмотря на распахнутую настежь заднюю дверь и разгорающийся рассвет, внутри все еще слишком сумрачно, мне пришлось немножко подождать, чтобы зрение приспособилось к слабому освещению.

Вроде бы ничего всерьез не сломало, все кресла остались на своих местах. Даже непонятно, что же так могло скрипеть, трещать и хрустеть при попадании пуль. Подбираясь к любимому месту Рианны, почти не сомневалась, что меня вот-вот стошнит. В той стороне слишком много крови, абсолютно все ею залито. Однако я ошиблась, меня при виде такого зрелища даже чуть-чуть не замутило – такая вот странность.

Рианна так и осталась пристегнутой к креслу. Тело ее обмякло, сложилось почти вдвое, и это очень хорошо, потому что я сейчас не смогла разглядеть лицо Шоколадки. Ее пышная копна курчавых волос неряшливо скукожилась, отвратительно слиплась, сбоку, в районе виска, все перепачкано и бугрится какая-то омерзительная масса, о происхождении которой не хочется задумываться.

Стараясь не смотреть на этот кошмар, осторожно ухватилась за ладонь, попыталась нащупать пульс, прекрасно понимая, что в этом нет ни малейшего смысла. Запястье уже успело заметно остыть, сразу это почувствовала, к тому же вокруг столько крови, что в Рианне, наверное, не осталось ни капли.

Не может человек выжить после такой кровопотери.

Я глаз не сводила с Шоколадки, но все же краешком поля зрения заметила какую-то несообразность и, обернувшись, едва не вскрикнула от неожиданности. Рианна здесь не одинока, за не сплошной перегородкой, условно разделявшей пассажирский отсек на две части, сидела еще одна девочка. И нет ни желания, ни смысла прикасаться к ее запястью, потому что состояние раненой очевидно скверное – вместо правого плеча уродливое месиво, из которого свисает почти оторванная рука. Кровь, хлеставшая из поврежденных сосудов, полностью залила лицо, превратив его в жуткую маску, приоткрытый рот казался зияющей раной.

Вот тут меня наконец замутило. Резко отвернувшись, я

совершила ошибку – усталилась на Рианну. Не знаю, как после этого не вывернуло наизнанку, но титаническим усилием сумела удержать живот от нехорошего поступка. Обернулась на выход, почти закрыв глаза и часто дыша. И только теперь увидела, что задняя часть грузовика выглядит странно – похожее зрелище можно увидеть ночью, когда смотришь на небеса. Но вместо звезд или того, что в Улье их заменяет, мерцали пробоины от пуль, пропуская свет только-только оторвавшегося от горизонта солнца.

Оценив количество этих «звезд», я поразились тому, что здесь погибли не все. Стрелок Черного Братства или очень хорош, или я ужасна плоха, но прекрасно видно, что он попал не меньше пятнадцати раз, причем оружие его явно посерьезнее нашего пулемета. Одна такая пуля – и ты в лучшем случае калека, обреченный на недели или даже месяцы мучительного восстановления. Но это, если очень повезет. Обычный результат: оторванные конечности, раздробленные кости, попадание в туловище или голову – гарантированная и быстрая смерть.

Неудивительно, что никто из выбравшихся девочек не жалуется на раны. У воспитанниц Цветника нет лишнего веса, мы худые и обычно не чересчур высокие. В нас не так просто попасть, как в большинство обычных людей, но если уж попадут, да тем более большущей пулей – это приводит к крайне нехорошим последствиям.

Странно, но я понятия не имела – кто вторая. Такие свет-

лые волосы среди наших только у Дании, но у этой они идеально-прямые, а не слегка вьющиеся локоны, и к тому же заметно длиннее. Она вообще ни на кого из моих одноклассниц не похожа.

Хотя разве можно такое говорить о той, чье лицо ты не можешь разглядеть?

Скосив взгляд на движение в раскрытой двери, увидела еще одну девочку, которую не знаю. Ну, то есть знаю, но только она не из первой группы и вообще не из орхидей.

Рыженькая, но не такая, как Мишель, а нереально-рыжая, огненная, у нее не голова, а кусочек отборной морковки, и прическа по нашим меркам скромная, волосы всего-то до плеч. Из аккуратного каре на меня уставилась удивленная мордашка, причем понятно, что это у нее постоянное, так уж соединились черты лица, застыв в выражении вечного изумления, что ничуть ее не портило, а наоборот – шло.

Я не раз видела эту девочку в Цветнике, не заметить такую яркую невозможно, но она из фиалок, мы с ними практически не пересекались.

– Ты кто?

Рыженькая, пристальным взглядом обводя внутренности Цветомобиля, ответила, даже не покосившись в мою сторону:

– Я Ханна. А тебя я знаю, ты Элли. Я почти всех вас знаю по имени.

– Ты же фиалка?

– Ага, не доросла еще до старшей группы.

– Откуда ты здесь взялась?

– Откуда и все – приехала.

– Я не заметила, чтобы фиалки забирались в Цветомобиль.

– Нас только трое, остальные побоялись ехать, Соня нам разными гадостями грозила, зря ты ей рот не прикрыла.

После этих слов я вспомнила о второй убитой девочке и спросила:

– А среди ваших не было светленькой, волосы ровные, высокая, в зеленом платье?

Ханна, ничего не ответив, легко забралась в отсек, подошла ко мне, не обращая внимания на Рианну, взглянула за перегородку и таким же спокойным негромким голосом произнесла:

– Нет, это не наша, это Ким. Она из второй группы орхидей, ты ее лучше должна знать. Наша Инесса, она возле кабины осталась.

– Возле кабины осталась?.. Это получается... Ханна, что, Инессу тоже убили?

– Ага. Пуля прошла через нее и разорвала ремень. Представляешь, прямо в защелку попала. Вот поэтому ее и нет в кресле – она упала и к стенке закатилась.

– Инесса точно мертвая?

– Ну да, в нас ведь из крупнокалиберного лупили, а это почти без шансов, наповал убивает. Я кричала, чтобы все

легли на пол, но почти никто не послушался. Вон, смотри, видишь это кресло? Здесь я сидела. Почти посредине попали, а меня здесь уже не было.

– Это ты хорошо придумала.

– Ага, хорошо. Ким не послушалась, вот ей и досталось, пуля плечо разворотила. Видишь пробоины? Прошла через заднюю стенку и через перегородку. Наверное, сплющилась из-за этого, но все равно быстро летела. Ким даже не закричала, ей кости переломало, после такого обычно мгновенный обморок, а потом быстро кровью истекают.

– Я бы обошлась без подробностей, – произнесла это торопливо, стараясь смотреть строго наверх, желудок вновь начал нехорошо напрягаться.

– Элли, тебя что, мутит? Головой ушиблась? Сотрясение?

– Вряд ли. День был тяжелым, да и не могу на это смотреть.

– Я думала, что ты не такая.

– А какая?

– Ну... Ну ты точно не такая, как все остальные, я о тебе много чего слышала. Может, ты и правда сильно ударились?

– Может, и так.

– Вон у тебя ссадина на лице. То есть царапина.

– Большая?!

– Нет, не бойся, быстро пройдет.

– Это меня осколком от пули или щитка ударило.

– Повезло, что вскользь, вытаскивать не придется. Нужно

помазать, быстрее пройдет.

– Чем помазать?

– Не знаю, надо аптечку посмотреть. А где твой пистолет?

– Пистолет?

– Ну да. Тот, которым ты в Цветнике размахивала.

– Он... Ханна, я не знаю, где он. За поясом был. Наверное, вывалился, когда грузовик сюда скатился. О! А граната осталась.

Я осторожно сняла с ремня увесистую металлическую сферу с выпирающим пластиковым бугорком запала, протянула фиалке:

– У тебя, я смотрю, карманы на жилетке большие, сможешь у себя подержать?

Взяв гранату, Ханна повертела ее перед лицом и, состроив уморительную гримасу, спросила:

– Никогда такую не видела, странная какая-то.

– Мне сказали, что она из развитого мира.

– Не похоже на оружие нолдов.

– Не обязательно нолдов, просто мир чуть развитее, чем обычно. Там три положения запала, в одном она срабатывает...

– Я уже поняла, – перебила Ханна. – Поищу пистолет, а ты пока покопайся в аптечке.

Фиалка развернулась и с самым безмятежным видом начала заглядывать под кресла, не обращая внимания на кровавые потеки. Даже наступила на один из них, отчего меня

передернуло.

Аптечка нашлась на обычном месте, в жестяном ящике, закрепленном на центральной переборке. За всю историю своего пребывания в Цветнике я не припомню случая, чтобы ее доставали, но нам почти каждый раз при посадке в машину напоминали, где она хранится, – воспитывали чувство ответственности и напоминали об опасностях мира, в котором мы живем.

Присев как можно дальше от убитых девочек, я начала копаться в содержимом. И тут же Ханна с довольным видом произнесла:

– Нашла. Еще бы чуть-чуть – и он в воду бы скатился.

– В воду?

– Там, в самом конце, вода из озера натекла, Инесса в ней лежит.

Ну да, кабина прилично зарылась, с наклоном, пробившись через густую тростниковую поросль. Неудивительно, что передняя часть машины оказалась подтопленной.

Ханна, подойдя, разрядила пистолет, осмотрела, затем зачем-то взвела, щелкнула вхолостую, личико у нее стало чуть удивленнее обычного, после чего спросила:

– Еще патроны есть?

– Только те, которые в магазине.

– Ты шутишь? – поразилась фиалка.

– Что-то не так?

– Но в этом пистолете всего лишь один патрон. Ты стре-

ляла в кого-то из него? Потратила остальные?

– Я взяла пистолет с тела западника, а он точно не стрелял, не успел. Потом пистолет у меня забрали и, когда вернули, сказали, что он в том же состоянии, – ответила я, мысленно проклиная полковника Лазаря (и заодно себя за то, что забыла проверить оружие, полученное из его рук).

Ему ведь ни в чем нельзя доверять. Вообще ни в чем. Да, с учетом моего состояния можно многое простить, но все равно обидно и зло берет.

– Смешно, – сказала Ханна. – Получается, тот западник ездил с одним патроном?

– Или так, или кое-кто меня обманул.

– Наверное, тяжело такие находить, – протянула фиалка, задумчиво осматривая оружие.

– Ты о чем?

– Это какой-то странный пистолет, и патрон к нему странный. Не помню, чтобы когда-нибудь такие видела. Элли, возьми его и постарайся больше не терять.

– Можешь оставить себе, похоже, ты в них лучше, чем я, разбираешься. Да и зачем он кому-то нужен с одним патроном.

– Нельзя его отдавать, Элли, это статусная вещь, поэтому он должен быть у тебя. И один патрон – это все-таки больше, чем ни одного, так что может пригодиться. Давай, я помажу твою царапину. Вот, это поможет, она быстро подсохнет.

– У тебя зеркальца нет?

– Не-а. А зачем оно тебе?

– Посмотреть на себя.

– Элли, говорю же, там смешная ранка, крови почти нет, не нужно так волноваться.

– А я и не волнуюсь, просто хочется посмотреть.

– Если честно, ты плохо выглядишь, и дело не в царапине. У тебя синяки под глазами и какой-то совсем уж худой кажешься.

Ну да, ничего удивительного, если вспомнить, через что мне пришлось пройти в последние дни. А уж вчерашнее даже вспоминать не хочется. Сама не понимаю, почему держусь на ногах, мне давно пора свалиться.

Но сказала другое:

– Я быстро приду в норму.

– Ага, я слышала, что ты быстро восстанавливаешься, ты крутая.

– А почему ты назвала пистолет статусной вещью?

– Ну ты же сама его использовала, чтобы в Цветнике все тебя слушались. Он хорошо помог, они и впрямь слушались. Там ты была самой крутой, ни одна воспитательница не привыкла смотреть в дуло, они все шарахались, когда ты в них целилась. Сейчас тоже надо вести себя так, чтобы все слушались беспрекословно, ведь здесь очень опасно, ты сама это знаешь. Если все начнут заниматься тем, что им в головы придет, ничем хорошим это не закончится. Да тут достаточно одной завизжать со всей дури, чтобы набежали заражен-

ные, женские крики они почему-то издали слышат.

– Местность вокруг основных стабов очищена от мертвяков. Те, которых мы видели ночью, вырвались из клеток, но мы от них далеко уехали.

– Элли, всех зараженных убить невозможно. Здесь опасно, здесь очень опасно, командовать лучше тебе, потому что другие так и сидят на травке с выпученными глазами и не известно, сколько будут так сидеть. Они к такому не готовы, кто-то должен их вывести из ступора, и лучше всего это получится у тебя.

– Это почему же?

– Потому что у тебя есть хоть какой-то опыт и тебя слушаются, а с пистолетом еще лучше слушаться будут. О тебе все хоть что-то слышали, у тебя репутация как раз для такого случая, и ты вооружена, ты почти офицер гвардии, это вызывает особое отношение.

На мой взгляд, фиалка слишком уж зациклилась на значимости роли оружия, к тому же я не представляла ситуацию, в которой мне придется направлять его на кого-либо из девочек. Ночью я так поступала с воспитательницами, и мне при этом было как-то не по себе, поэтому о повторении не мечтаю. Однако спорить не стала, направилась к двери, проговорив уже на ходу:

– Надо выбираться отсюда.

– Правильно, – согласилась Ханна. – Мы пропитаемся запахом крови, это опасно. Но не спеши, надо посмотреть ин-

струменты.

– Какие инструменты?

– Возле кабины ящик, всегда хотела узнать, что в нем хранят. И еще надо проверить, что там с Альбиной, она ведь так и не вышла.

– Она в кабине?!

– Ну, наверное. Где же ей еще быть?

Похоже, я и правда крепко приложила голову, раз только сейчас вспомнила о нашей водительнице. Настроение мое, и без того пребывающее на ничтожной отметке, еще сильнее испортилось. Я уже насмотрелась на двух мертвых девочек и не хочу в придачу к этому увидеть мертвую воспитательницу. Пусть она иногда и придиралась ко мне больше, чем к другим, но я не желаю ей смерти.

Ну и что же тогда делать? Ведь нельзя уйти, даже не проверив, умерла она или нет.

Мысленно вздохнув, развернулась и, стараясь не коситься на ужасные вещи и не наступать на потеки крови, направилась в сторону кабины.

К великому сожалению, без ужасных вещей не обошлось. И дело не в том, что краешком глаза видела и Рианну, и Ким. Совсем забыла про Инессу – убитую фиалку, которую тяжелой пулей вышвырнуло из кресла. Она так и лежала, некрасиво уткнувшись головой в переборку, отделяющую кабину от пассажирского отсека. Здесь и правда натекла озерная вода, причем выглядела она очень темной и оттого походила

на кровь.

На невообразимое количество крови.

Ступать в такую лужу мне хотелось меньше всего на свете – но каким образом этого избежать, если проход в кабину затоплен? Блин, ну никак не обойти, я ведь не муха, чтобы по стенам карабкаться.

Ханна, пройдя мимо, невозмутимо прошлепала пару шагов по воде, заглянула в кабину, с неизменным спокойствием произнесла:

– Из госпожи Альбины, наверное, вся кровь вытекла.

– Она мертвая?

– Не знаю, непохоже.

– Почему непохоже?

– Потому что она ровно сидит на кресле, только голова склонилась. Мертвые так не сидят, мертвые заваливаются и повисают на ремнях. А... вот в чем дело.

– В чем?

– Ты прикинь – пуля пролетела через всю машину и выломала из решетки за переборкой прут. Он насквозь пробил спинку кресла и воткнулся в Альбину. Она не падает, потому что он не дает.

– Как такое могло получиться? – не подумав, спросила я, на самом деле стараясь не представлять картину случившегося.

– Элли, это был тяжелый пулемет, а арматура тут тонкая, прутики держатся еле-еле. Я вообще не понимаю, зачем ими

все обшили, от них ведь вообще никакого толку, только лишние осколки, если из чего-то крутого попадут. Но ты права, не повезло госпоже Альбине, нехорошее стечение обстоятельств. Она, наверное, старалась не шевелиться, но как тут не шевелиться, когда едешь по ужасной дороге. Прут все время расшатывался в ране, кровь текла и текла, вот и умерла. Ой!

– Что за – ой?! – насторожилась я.

Последний звук крайне диссонировал с обычной невозмутимостью рыженькой.

– Элли, я опростоволосилась.

– В каком смысле?

– Я пульс нащупала, госпожа Альбина жива.

– Но ты же сказала, что из нее вся кровь вытекла!

– Ну, значит, не вся.

– Уверена, что у нее есть пульс?

– Ага. Но ты знаешь, она все равно умрет.

– Ты что, знахарка?

– В том-то и дело, что нет. Я просто не понимаю, как ей помочь.

– Надо что-то придумать, – сказала я, не представляя, о чем тут вообще можно думать.

– Надо, – согласилась фиалка. – Иди сюда, чего ты там стоишь, отсюда лучше видно.

Ханна перебралась на пассажирское сиденье, усевшись там на колени и упершись рукой в растрескавшееся стекло.

А мне пришлось шлепать по воде, стараясь собраться с силами и не позеленеть при виде того, что может открыться в кабине.

Ожидания оказались куда мрачнее реальности. Ну да, крови тут хватает, вот только в кабине нет ни одной светлой поверхности, чтобы запачкать ее совсем уж кошмарно. Черное платье воспитательницы местами выглядело не совсем чистым, но и не ужасным – просто вещь, срочно нуждающейся в стирке.

Но не хочу даже думать, что у нее со спиной, ведь все лилось как раз туда.

Осторожно взявшись за руку Вороны, я не ощутила того же пугающего холода, как это было у Рианны. Но и пульс не прощупывался, о чем и сообщила Ханне:

– Ничего не чувствую.

– Сдвинь палец, вот сюда дави. Или вот сюда. Ну? Чувствуешь?

– Это какой-то ненормальный пульс.

– Почему?

– Слабый очень.

– Она потеряла много крови, это нормально.

– И что делать теперь?

Ханна пожала плечами:

– Если сдвинем ее с места, она, скорее всего, сразу умрет.

Если так и оставим, тоже умрет. Странно, что вообще жива. Посмотри, у нее кровь на губах.

– И что? – спросила я, стараясь не смотреть.

В таких случаях предпочитаю верить на слово.

– Наверное, у нее в легком кровь. Это плохая рана, даже старые иммунные от такой могут умереть очень быстро. Но у нее шансы есть, может, и выживет, прут тонкий, наверное, задел только одно легкое, второе чистое. Плохо, что она потеряла много крови, вон какая бледная. Не знаю, сколько в ней ее осталось, но она уже перестала течь, то есть больше не теряется. Но если вытащим прут, рана откроется, кровь опять потечет, и это может быстро ее убить. А ведь нам так и так придется его вытаскивать.

– Зачем? – не подумав, я задала глупейший вопрос.

– Ну как это – зачем? А что еще делать? Оставить ее вот так?

– Нет, ты права, сама не знаю, что несу, вторую ночь уже не спала, если не считать... если... – отгоняя от себя крайне неприятные воспоминания, я продолжила: – Ладно, не будем обо мне, давай об Альбине. Я не понимаю, что нужно делать.

– Ну... Можно попробовать расстегнуть ремень и опустить спинку кресла, тогда Альбина сама сползет с прута. Только придержать ее надо, а то стукнется об руль. Руль нам мешать будет, жутко неудобный, и лучше ее потом тащить через дверь. Хотя нет, давай назад, в проход как-нибудь, ведь за дверью озеро, может, там и не глубоко, но, думаю, дно топкое, тяжело будет по нему идти с такой тяжестью. И еще надо сразу постараться остановить наружное кровотечение.

Жгут на спину наложить не получится, так что останется только бинтовать. Сперва по-быстрому обработаем перекистью водорода, затем нужно будет наложить тампон и бинтовать, не жалея бинтов. Если она не умрет, поставим капельницу, в аптечке есть два пакета кровезамещающего раствора. Он улучшает свертываемость крови, и это, наверное, хорошо, она может перестать вытекать в легкое. Сзади у нас есть раскладные носилки, мы сможем вынести госпожу Альбину на них, дверь там широкая. Но до пассажирского отсека придется тащить ее на руках, тут не развернуться.

Слушая, как спокойно и методично Ханна описывает методику спасения человека, потерявшего чуть ли не всю кровь и пришпиленного к спинке сиденья, я начала впадать в состояние, близкое к ступору. Эту милую фиалку с удивленной мордашкой по виду можно отнести к тишайшим образцам аккуратности и миролюбия, она выглядит бесконечно оторванной от мрачных реалий Стикса. Себя я считала приближенной к ним куда больше других, но только что убедилась в обратном.

Ханна не должна знать такие вещи. И уж тем более она не могла предлагать мне этим заняться со столь вопиющим спокойствием – у нее слишком легкомысленный вид, чтобы пачкаться в крови, хладнокровно возясь с умирающими.

Не замечая моего недоумения, девочка продолжала методично расписывать действия, которые нам вскоре предстоит совершить:

– Нужно сейчас же приготовить бинты и все остальное, потом нельзя будет терять время на возню с аптечкой. В верхнем багажнике есть одеяла, парочку надо расстелить в проходе за центральной переборкой, там больше места. И еще нужен живчик, хорошо бы залить в госпожу Альбину хоть немного. Есть небольшой шанс, что, когда мы начнем с ней возиться, она придет в себя. Пусть даже ненадолго очнется, это хорошо, ведь она сможет пить самостоятельно. Зальем сколько получится, это очень ей поможет. Элли, ну как тебе моя идея?

– Блеск. Но мы справимся сами? Может, кого-нибудь позвать?

– Госпожа Альбина невысокая и хрупкая, я не думаю, что в ней больше сорока восьми килограммов, считая одежду и обувь. Мы должны справиться сами, потому что тут даже вдвоем будет непросто разворачиваться, втроем я вообще это не представляю. Ладно, пошли, начнем с аптечки.

В процессе подготовки к операции обнаружился неприятный сюрприз – корзину, набитую бутылочками с нектаром, уложили на одну из проволочных полок на переборке. Это надежное место, благодаря высоким бортикам она не могла вывалиться при самой сильной тряске. Но случилось непредвиденное – одна из пуль пронеслась именно тут, оставив после себя липкую мокроту и битое стекло.

Повернувшись к Ханне, возившейся с аптечкой, я показала ей остатки роскоши:

– Только две бутылочки, остальные вдребезги.

– Больше нет?

– Все здесь лежали.

– Элли, это плохо.

– Я знаю.

– Одну надо постараться залить госпоже Альбине, где-то на две трети. Останется очень мало, надолго нам не хватит.

– Об этом будем думать потом. Ты готова?

– Вроде бы да. Аптечка просто отстой, много разной ерунды, зато некоторых полезных штук не хватает.

– Ханна, а ты точно сумеешь нести такой груз? Я одна ее не подниму.

– Ну... я, конечно, мелковатая, но ты не переживай, помогу. Хорошо, если госпожа Альбина сразу очнется. Носить мертвого тяжелее, чем живого, а человек без сознания все равно что мертвый.

Ханна и до этого оказывала на меня немалое впечатление своими высказываниями и поступками, но последние слова затмили все предыдущие. Это какую жизненную школу надо пройти, чтобы уверенно судить о столь специфических вещах? В Цветнике такому не учат.

– Откуда ты это знаешь?! – не удержалась я от вопроса.

– Да так... – рассеянно отмахнулась фиалка. – Помоги расстелить одеяла и постарайся не наступать на них. Чем меньше грязи, тем лучше для госпожи Альбины.

Глава 5

Эйко, Юмико, Юми

За время нашего отсутствия в кабине ничего не изменилось. Воспитательница так и сидела, пришпиленной к креслу, лицо ее налилось бледностью, которую вряд ли встретишь у живого человека. Но проверка пульса показала, что Ворона пока что не сдалась.

Нам ничего не осталось, кроме как взяться за исполнение замысла Ханна.

Ну что я могу сказать... Это было неприятно. И тяжело, очень тяжело. Мало того что при всей своей стройности и невысоком росте старшая воспитательница все же не была пушинкой, так ее к тому же пришлось перетаскивать в узости кабины, а потом еще в проходе чуть не уронили, причем по моей вине.

Стыдно признать, но Ханна, в которой веса всего ничего и лет меньше шестнадцати, справлялась с непростым делом куда лучше. Может, из-за того, что со стороны ног работать проще?

Не знаю, перетаскивать бесчувственные тела мне до этого случая не доводилось.

К счастью.

– Элли, надо ее головой к дверям положить, – сказала

Ханна, когда добрались к одеялам.

– Какая разница?

– Чем выше рана, тем лучше, ведь грузовик наклонен к кабине.

Я в очередной раз поразила предусмотрительности фиалки – складывалось впечатление, что она каждый день помогает тяжелораненым в самых сложных условиях.

Ничего не упускает, это просто невероятно. Может, она какие-то медицинские курсы отдельно от всех проходила? Ведь в Цветнике помимо общей программы есть индивидуальные. Вдруг ее избранник захотел себе жену-медсестру.

Но в такое не очень-то верится.

Платье на спине воспитательницы пребывало в неопишемом состоянии. Там уже больше крови, чем ткани, все тошнотворно ужасно, невозможно поверить, что перед нами живой человек.

Ханна и здесь сумела меня удивить. Даже не подумала попробовать снять одежду, просто разорвала ее, подрезав горлышком от бутылки, которое взяла из корзины с погибшим нектаром, а затем раскинула лоскуты ткани в стороны. Открылась рана, и обнаружилось, что из нее сильно льется кровь. Фиалка тут же плеснула из пузырька с перекисью водорода, прижала комок ваты и озабоченно произнесла:

– Здесь плохо видно, давай вынесем ее наружу. Под одеялом носилки, тебе надо просто их поднять, а я так и буду зажимать рану. Одна ты это не сделаешь, позови кого-нибудь,

только выбери не самую слабонервную.

Добравшись до дверей, я выглянула и громко позвала:

– Тина, иди сюда, нам нужна твоя помощь.

Хороший выбор, у нее нервы покрепче, чем у многих.

Хотя до Ханны, думаю, ей также бесконечно далеко, как мне.

– Элли, у тебя руки в крови, – напряженно произнесла Тина, едва подошла.

– Знаю, не обращай внимания. Иди сюда. Вот хватайся за эти ручки, а я за другие. Нужно будет осторожно поднять носилки и вытащить наружу.

– Госпожа Альбина?!

– Да, она ранена и кровью истекает, мы ей поможем.

– А что с ее платьем?!

– Тинка, да ты совсем свихнулась, что ли?! Нашла время о тряпках спрашивать! Давай быстрее!

Вытащили без сложностей, с носилками это оказалось куда проще, чем вручную. Только на пороге возникла заминка – Ханне пришлось прекратить зажимать рану, уозость дверей помешала идти синхронно. Но на траве она тут же вернулась к своему занятию и начала командовать:

– Элли, принеси аптечку, она в машине осталась. Тина, а ты притащи вон ту корягу. Подложим ее под ручки носилок впереди, они наклонятся.

Дальше работала Ханна, а я в основном смотрела и отбрасывала в стороны все новые и новые куски платья. Рана

в неудобном месте, бинтовать непросто, но фиалка, на мой взгляд, справлялась отлично.

Тина, глядя на ее манипуляции, позеленела и отбежала, а остальные даже не попытались приблизиться. Так что в крови копошились вдвоем, причем я, как это ни странно, начала привыкать к подобному. Уже нет такой острой реакции, как поначалу.

Хотя, наверное, все дело в том, что здесь имеешь дело только с живым человеком. Кровь плюс мертвые тела и тошнотворный запах – хуже сочетания не придумаешь.

– Ну, с перевязкой я разобралась, – все с тем же неизменным спокойствием произнесла Ханна. – Теперь надо поставить капельницу, только вымою руки в озере, я быстро.

– А это ничего, что она теперь на спине лежит?

– Ее лучше всего держать в сидячем положении, но это сложно. Мы сделали все, что могли, остальное уже не так важно. Теперь нужно будет просто посматривать на повязку, вдруг начнет сильно выступать кровь.

– Может, замотать получше? Вон какой широкий пластырь есть, можно намертво заклеить.

– Нельзя тратить все, если она сейчас не умрет, повязку придется обновлять, мы и так кучу всего израсходовали. Очень нехорошая рана.

В этот миг глаза госпожи Альбины приоткрылись, она уставилась вверх, нездорово прищурилась, взгляд ее сместил, уперся в меня, окровавленные губы шевельнулись:

– Элли...

Еле слышно, на грани самого слабого шепота произнесла, видно, что единственное слово далось ей с превеликим трудом.

– Да, госпожа Альбина, я здесь. Мы все здесь. Лежите спокойно, вы опасно ранены. Но мы вас уже перевязали, надо просто полежать и...

– Приподними ей голову, – попросила Ханна, бесцеремонно меня перебив. – Госпожа Альбина, вам нужно выпить немного живчика. Ну то есть нектара. Пожалуйста, попробуйте проглотить хотя бы несколько глотков, я знаю, вам тяжело, но это надо сделать, обязательно надо.

Пока Ханна заливала в непослушные губы Вороны нектар, я не переставала трещать с преувеличенной бодростью:

– Просто полежите немножко, вы не так уж сильно пострадали. Сейчас Ханна поставит вам капельницу, и все будет хорошо. Нас, наверное, уже ищут, скоро подойдет помощь и вас отвезут в безопасный стаб. Там есть знахари, они вас быстро вылечат.

Мне показалось или Альбина и правда пытается улыбнуться? Губы характерно растягиваются. Неужели так рада моим словам? Как-то это сомнительно...

– Элли... Ко мне нельзя приводить обычных знахарей. Только допущенных, ты сама знаешь правила.

Да что она вообще несет? Наверное, в голове все перемешалось из-за большой кровопотери.

– Ты меня слышишь, Элли?

– Да, госпожа Альбина, я вас прекрасно слышу, просто не понимаю.

– Я не настоящая госпожа, у меня нет привилегий.

– Но вы же...

– Зачем ты меня искала? – перебила воспитательница.

– Вы о чем?

– Не важно... Элли, я тебе всегда завидовала.

– Чему вы завидовали? Лучше не отвечайте, вам нужно лежать спокойно.

– Не надо меня обманывать. И себя. Ты смогла хотя бы попробовать, а я так и не решилась. Я знала, что ты сегодня задумала. И я помогла тебе. Прошу, не бросай меня здесь. Я такая же, как ты, и я бы тебя не бросила.

– Но, госпожа Альбина, я вас и не думала бросать. Вам просто надо дождаться помощи, она скоро должна подойти.

– Не надо это... нам не нужна помощь... нам нужно уходить. Белла, ты не оставишь меня здесь, и сама не останешься...

Глаза воспитательницы медленно закрылись, шепот затих. Я, недоумевая, ждала, что она продолжит говорить, хотя бы два слова или даже одно, хоть что-нибудь объяснит, но тщетно.

Воспитательница высказывалась в высшей степени странно, что неудивительно для тяжелораненого человека. Однако не похоже, что у нее серьезные проблемы с восприятием

действительности. То есть она все понимала и пыталась до меня что-то донести.

Жаль, сумбурно и не полностью.

Ханна, отряхнув руки, потрогала запястье Альбины и невозмутимо заметила:

– Пульс есть. Что она тебе рассказывала? Вообще ничего не понятно.

Я слышала вопрос рыженькой, но не отвечала. Не до этого было. Просто сидела и смотрела сверху вниз на раненую воспитательницу. И раздумывала при этом вовсе не о ее последних словах.

Я думала о ней.

Альбина – старшая воспитательница. Это звучит. Всегда строго одетая, даже в самые жаркие дни я ни разу не видела на ней хоть что-нибудь с короткими рукавами, не говоря уже о большем. И вид с иголочки, серьезность стильно подчеркнута при помощи косметики, прически и прочих ухищрений. Теплое слово от нее услышать трудно, она слишком для этого заледеневшая. А уж придиричивая – просто ужас.

Особенно – ко мне.

Сейчас воспитательница не могла держаться строго и придиричиво. И с косметикой у нее катастрофа, не говоря уже об одежде и прочем.

Сейчас я увидела Альбину с другой стороны, чему способствовали ее последние поступки.

Особенно то, что она поехала с нами без принуждения,

по своей инициативе сев за руль. И без контроля с моей стороны долго и уверенно вела грузовик, имея массу возможностей добраться до других стабов или армейских постов, я ведь большую часть пути ее не контролировала и даже не понимала, где мы едем. Но на всем пути мы не встретили никого, кроме зараженных и пикапа восточников.

Альбина сама сказала, что раскрыла мои замыслы. Не сомневаюсь, что это вполне возможно, ведь, зная меня, догадаться нетрудно. Однако не только не попробовала остановить, а даже помогла.

Зачем? И как получила она свою должность? Откуда вообще взялась эта загадочная женщина? Я помню ее серой мышкой на вторых ролях, самое серьезное, что ей доверяли, – водить во дворе хороводы с младшими группами, но еще тогда поговаривали, что у нее весьма доверительные отношения с директрисой, плюс она трудоголичка и полностью игнорирует мужчин, а значит, далеко пойдет.

Про нее много чего говорили. В том числе, что она бывшая воспитанница старшей группы, которую исключили из Цветника за какие-то прегрешения или несоответствие.

Тот еще бред. Не верю, что Ворона настолько старая, то есть я должна была застать ее обучение. О несоответствии тоже не может быть и речи, она достаточно красивая и смышленная, получается, исключать ее из Цветника не за что.

Прегрешения – вообще смешно. Числись за ней серьезные грехи, ее бы и близко к нам не подпустили, ведь к сотруд-

никам Цветника предъявляют высочайшие дисциплинарные требования.

Старших воспитательниц на весь Цветник четыре – должность уважаемая. Вот только сейчас, потеряв над собой контроль, отчего с лица сошло вечно всем недовольное выражение, она выглядела всего лишь младшей сестренкой Сони. А ведь та простая воспитательница с индексом возраста не выше двадцати восьми. Я, конечно, понимаю, что все можно списать на везение с внешними данными, но, определенно, дело не только в них.

Сейчас я бы не дала Альбине больше двадцати одного года. Вообще-то, она выглядит на девятнадцать без хвостика или с хвостиком мышинным, и невозможно понять, почему до меня это дошло только теперь.

Похоже, передо мной лежит та еще мастерица скрывать очевидные вещи.

И что еще она могла скрыть?

Продолжая размышлять в этом же направлении, я перевела взгляд на руку, предплечье которой до сих пор скрывалось под обрывком рукава. И внезапно в голове проскочило сразу множество мыслей, после чего не все, но очень многое стало очевидным.

Прибавив при этом высоченную кучу безответных вопросов.

Осознав свою непроходимую недогадливость, я, произвольно поморщившись, потерянным голосом протаратори-

ла:

– Вот ведь блин! Блин! Блин! Да это полный бред!

Неподобающее для воспитанной девушки выражение лица, и слова тоже неуместные, но удержаться было невозможно, само собой получилось.

– Ты чего? – удивилась Ханна, продолжая возиться с иглами, трубками и прочими жуткими штуковинами.

Мне сейчас не до ответов, я без остатка занята спешными похоронами своего очередного, на первый взгляд почти безупречного, плана. Ну и заодно составлением нового – абсолютно безумного и неосуществимого.

К нам приблизилась Лола, испуганным, как никогда, голосом продолжила страшно волнующую ее тему:

– Дания сказала, что на нас могут напасть зараженные.

– Могут, – с неизменно-безмятежным видом подтвердила Ханна. – Вон посмотри туда, там лепешки коровьи, на вид почти свежие и дождями не размытые, буренки здесь паслись недавно, значит, это не стаб. Зараженным коровы нравятся, так что нам и правда нельзя здесь оставаться.

– Тогда чего мы сидим?! – Мысли об охочих до человечески тварях для нашей главной блондинки – нож в сердце.

– Лола, успокойся, подожди немного, нам надо помочь Альбине. Ханна перельет ей заменитель крови, потом мы понесем ее на носилках.

– Может, сперва отнесем ее, а потом зальете, что нужно?! Ведь зараженные могут в любой момент появиться. – Лола,

похоже, в двух шагах от панической истерики, ее начинает колотить. – И зачем ее вообще нести? Оставим в грузовике, пусть там дожидается помощи. Мы не сможем быстро идти с носилками, и я не вижу здесь других укрытий. Да, Лиска, точно, оставим ее здесь. Ей полезнее будет, раненых опасно переносить с места на место.

Нет, до истерики пока что больше пары шагов, трусиха мыслит вполне здраво, пусть мысли ее и дикие, неправильные, нехорошо пахивают.

– Нет, Лола, мы не оставим ее здесь, так нельзя.

– Ли, да что с тобой? Ты же ее всегда ненавидела!

– Тише, Лола, я тебя слышу, не надо повышать голос. Сейчас Ханна закончит переливание, и мы отнесем Альбину в безопасное место. Нельзя оставлять в таком месте одну из нас, здесь опасно: слишком открыто; по следу грузовика могут прийти мертвяки; все пропиталось кровью, да еще и коровы наследили, а запах навоза зараженные чуют издали.

– Одну из нас? Лиска, ты смешная или глупая? Она воспитательница, она не одна из нас. Разве забыла? Мы сами по себе, они сами по себе.

– Ты глубоко ошибаешься, – спокойно заметила я и, наклонившись, стащила с предплечья Альбины остатки рукава.

Уставившись на то, что открылось взглядам, Лола охнула, прижимая ладони ко рту, а Ханна, продолжая свою жутковатую возню, с неизменной невозмутимостью заметила:

– Элли права, своих бросать нельзя.

* * *

Про наши браслеты в среде воспитанниц ходили самые разные байки, от жутко серьезных и с виду правдоподобных до откровенно глупейших и забавных. Все их даже запомнить невозможно, да и свежие появлялись снова и снова, многим не лень забивать чужие уши чепухой.

Одно несомненно – черные или розовые квадратики, закрепленные на жестком, пронизанном крепчайшими нитями ремешке, предназначены для определения местоположения воспитанниц в любое время. Это крайне осложняет жизнь вероятным беглянкам и должно мешать похитителям.

Вещь известная, узнаваемая, носить такое сомнительное украшение может только одна категория жителей Центрального – воспитанницы Цветника. И никто другой – это важно.

То, что аналогичный браслет обнаружился на руке Альбины, – для меня шок. Получается, она никакая не строгая воспитательница, а такая же воспитанница, как все мы. То есть бесправная, как, впрочем, и сказала перед тем, как потерять сознание. Этим можно объяснить многие связанные с ней странности.

Такая, да не такая же. Ни одной из нас не позволено командовать другими, учить их, воспитывать и к тому же скрывать свою истинную сущность. Но Альбину я раскрыла толь-

ко сейчас, из-за чего возникла куча вопросов, на которые здесь никто, кроме нее, не сможет ответить.

Но меня куда больше потрясло другое. А именно два момента, из-за которых я теперь пойду на что угодно, но вытаску Альбину.

С первым моментом все просто – она ведь интересовалась, для чего я ее искала. Теперь понятно, за кем меня отправил господин Дзен – Альбина именно та воспитанница, которую я пообещала ему взять с собой. И слово свое придется сдержать, очень уж щедро со мной за это расплатились. Все мы здесь в какой-то мере суеверные, опасаясь, что, не выполнив свои обязательства, я подставлю под удар самое дорогое, что у меня сейчас есть, – свободу.

Со вторым моментом сложнее – Альбина назвала меня Беллой.

Это слово из моих снов. Я их не запоминаю, но что-то все же остается. А может, дело не в сновидениях, а в том, что мое сознание к ним отнесло – крохи, смутные обрывки, выжимки из тех остатков воспоминаний, которые уцелели у меня после того, как ментаты и прочие мастера работы с психикой удалили ненужное из памяти мелкой девочки, которая только-только попала в Цветник. Это распространенная процедура для малолетних кандидаток в воспитанницы, она уменьшает последствия стресса, связанного с потерей близких и своего мира, но стопроцентную гарантию безмятежного забвения не дает.

Белла – это мое имя. Первое имя. Самое первое. Меня не всегда звали Элли, я это отчетливо вспомнила после слов Альбины.

А еще я вспомнила что-то невыразимо теплое и приятное, то, замены чему не бывает, то, что все усилия мозгоправов из обители ментатов неспособны из нас вытравить.

Я вспомнила маму.

Глава 6

Разными дорогами

Мой очередной план был прост и глуповат, если не сказать хуже. И пусть придумала его только сейчас, отдельные элементы начали складываться в жиденькую цепочку в тот самый миг, когда я вывалилась на асфальт из пылающего чрева подбитого дредноута конфедератов.

Сейчас мне начинает казаться, что дредноут загорелся во все не из-за попаданий снарядов. Я, именно я подожгла его силой своего неистового желания вырваться, перестать быть вещью, игрушкой, чьей-то бесправной собственностью.

Однажды я уже попыталась это сделать всерьез, и даже частично успешно. Мне удалось выбраться не только из Цветника, но и из Центрального. Несколько дней я провела на кластерах, прежде чем меня случайно заметил патруль.

Мой побег до сих пор считается рекордным, ведь не просто с пустыми руками и без надежного транспорта уйти от множества разыскивающих тебя людей на значительное расстояние. Тогда на ноги подняли всех, кого можно, перекрыли все направления, следили за малейшим намеком на человеческое присутствие. В конечном итоге солдатам помогло то, что на меня вышел избежавший зачисток зараженный. Он-то и указал им правильное направление, помчавшись в мою

сторону с довольным урчанием.

Я с ним потом нехорошо поступила, но это уже совсем другая история.

Центральный штаб живет без величественных стен и вав, какие можно увидеть на пограничных кластерах. Но эта беспечность жизнеспособна лишь потому, что множество самых разных людей день и ночь следят за тем, чтобы ни одна угроза не подобралась к его границам. На моем пути были патрульные тропы, линии заграждений из колючей проволоки, противопехотные мины, электронные следящие устройства на высоких мачтах и малозаметные «умные» дроны, которых ты не замечаешь, зато они тебя видят прекрасно. И все это тянулось на многие километры моего маршрута.

Но я сумела уйти рекордно далеко, несмотря на все меры безопасности. Дай мне судьба еще пару дней, и все, там бы уже стало попроще.

Не повезло, причем виной этому лишь я одна – своими руками подготовила почву для бесславного конца. В своем первом «гениальном плане» кое о чем не побеспокоилась – о нектаре. Можно обходить периметры по мертвым кластерам, падая в обмороки и сгибаясь пополам от выворачивающих желудок приступов дурноты; можно часами переползать через кукурузное поле в сотне шагов от набитого солдатами поста, где тебя ждут меньше всего; можно подолгу вглядываться вперед, подмечая мельчайшие подозрительные детали; можно вообще ничего не есть и пить воду из грязных

луж, процеживая ее через сомнительную тряпку.

Одно иммунным противопоказано категорически – долго оставаться без нектара. Особенно если ты бурно растущая девочка тринадцати лет, круглосуточно вздрагивающая от малейшего шороха и панически пугающаяся мысли, что вот-вот попадешься.

Честное слово – я терпела. Держалась изо всех сил. Мои губы почернели и растрескались, глаза будто ножами резало, внутренности терзали раскаленным металлом, но я не сдавалась.

Лишь когда силы сопротивляться иссякли, нашла подходящий кусок стекла и, мало что соображая, отправилась на охоту.

На чем и погорела.

С тех пор я знаменитость, и не только из-за побега. Сбегать пытались и до меня, но после принятия современных мер безопасности дальше соседней улочки беглянки не добивались, а обычно и до этого не доходило – они попадались на гребне стены или под ней. Я же ушла далеко и морочила всем головы не один день. И я же единственная, кто после такого вопиющего нарушения распорядка избежала полноценного наказания, ведь никто не поверит, что отлучение от телевизора и прочее в таком духе сильно по мне ударило.

Снисходительность объяснялась легко – я не такая, как все.

Как наказывали тех, кто отваживался на подобное до ме-

ня? Очень просто – в лучшем случае их с позором отправляли в обычный воспитательный дом, где, по слухам, им жилось не слишком хорошо. Местные девочки готовы до костей заклевать ту, которая скатилась со столь желанной для всех вершины, а после того как исполнялись законные шестнадцать лет, провинившуюся зачастую ждал бордель, причем не всегда фешенебельный. Туда же без проволочек попадали и те, которые совершали побег после достижения возраста согласия.

Хотя, случалось, некоторые избегали такой участи. Но для этого требовалось личное вмешательство Герцога, а это происходило только в тех случаях, когда за провинившуюся девочку просил кто-нибудь из его приближенных. Изгнанная воспитанница нередко становилась собственностью просителя (и далеко не всегда на правах супруги).

В бордель тринадцатилетних не отправляют, здесь ведь Азовский Союз, а не дикая территория с дикими законами или даже с полным их отсутствием. Но и в обычный воспитательный дом я не попала.

Почему?

Да все потому же – мои глаза. Я здесь такая единственная, остаться без меня – это лишиться уникальной орхидеи.

Мне это, конечно, не сказали, но догадаться было несложно.

Нет, я не избежала наказания. Но, разумеется, оно оказалось несравнимо гуманнее того, что ожидало воспитанниц с

радужной оболочкой заурядного цвета.

Три месяца без сладкого, углубленное изучение ненавистных иностранных языков вместо личного времени (включая традиционные чаепития у телевизора) и прочее в таком духе, одобренное придирами Альбины.

Впрочем, она и до этого меня доставала.

Кстати, именно благодаря ей я узнавала обо всех действиях Портоса. Он тогда очень сильную волну поднял, различными путями пытаясь заполучить меня прямо сейчас, а не по достижении законного возраста. Я, мягко говоря, была не в восторге как от личности моего избранника, так и от его агрессивно-назойливого поведения. Последнее пугало до ночных кошмаров, когда просыпаешься с криком, переполошив всю палату.

Альбина ни единой возможности не упускала, чтобы напомнить об этой проблеме. И все свои напоминания сдобривала крайне беспокоящими намеками на одну и ту же тему – говорила, что Портос приближен к Герцогу и тот вот-вот будет вынужден подписать именной указ ради удовлетворения нездоровой страсти этого омерзительного толстяка.

Я только сейчас поняла, что Альбина делала это по неожиданной простой причине – всеми доступными способами подталкивала меня к побегу. Тогда это в голову не пришло, зато пришло прозвать ее Вороной.

Прозвище, конечно, так себе, но закрепилось поначалу в нашей группе, а затем отправилось гулять по всему Цветни-

ку.

Получается, Альбина всегда хотела, чтобы я покинула Азовский Союз, и всеми силами меня к этому подталкивала. Сегодня дошло до того, что помогла напрямую, невзирая на риск. Каким-то образом поняла, что я вернулась не просто выручать девочек, а у меня далеко идущие планы.

Нет, девочек и правда нужно было предупредить о нависшей над Центральным угрозой. И попытаться найти Эйко-Юмико – тоже важная задача. Но помимо этого я планировала посадить Тину за руль, чтобы под предлогом эвакуации убраться подальше от стаба (желательно до самого края оборонительного кольца). А там уже помахать всем ручкой и отправиться навстречу вожделенной свободе (что маловероятно) или гибели (что куда вероятнее). Тинку, естественно, пришлось бы взять с собой – ее фигура опасно менялась, ей грозило исключение, а это для нашей модницы хуже смерти.

План пришлось не раз корректировать в процессе исполнения, а сейчас он и вовсе развалился.

Теперь я не могу просто взять и почти всех бросить, не тратя время на долгие уговоры. Каждая из нас мечтает о свободе, но не каждая готова это признать и смириться с опасностями мира, от которых тебя больше не защищают розовые стены.

Сейчас не та ситуация, чтобы попытаться достучаться до каждой, не жалея минуты и часы, но я обязана позаботиться об Альбине, а одной Тины для этого недостаточно.

Ничего не поделаешь, оставлять воспитательницу нельзя. И вовсе не потому, что она мне сначала помогла, а потом попросила не бросать ее здесь. То есть, конечно, и поэтому тоже, но это не главное.

Я кое-что пообещала господину Дзену. А еще вот уже больше десяти лет никто не называл меня Беллой. Это имя забыто, его даже нет в моем личном деле, в Цветник я попала уже с другим.

Альбине известно что-то такое, что я просто обязана знать, вот только рассказать не может.

Нужно сделать так, чтобы смогла.

* * *

Поднявшись, я чуть помедлила, не зная, как эффективнее привлечь внимание растерянных воспитанниц, там и сям рассевшихся на траве, будто на защищенной стенами и периметрами лужайке, затем звонко хлопнула в ладоши и начала короткую речь с опасно громкого для дикой территории слова:

– Внимание! Мне надо сказать вам кое-что важное. Цветомобиль больше никуда не поедет, Рианна, Инесса и Ким мертвы, Альбина опасно ранена. Телефона у воспитательницы мы с Ханной не нашли, связаться с Центральным или другими стабами не получится. Нам даже неизвестно, где именно мы находимся. Предполагаю, что севернее Центрального,

но точно сказать не могу. Зато знаем, что это опасное место. Мы оказались на стандартном кластере, который незадолго до этого перезагружался. Посмотрите по сторонам, везде лежит навоз, местами он выглядит свежим. Всем известно, как зараженные любят говядину, в кластеры, где можно найти коров, они заявляются стаями. Возможно, зараженные уже ушли, возможно, все еще рядом, против нас достаточно будет нескольких слабых тварей или одной сильной. Мы без оружия, и мы не солдаты, у нас нет опыта выживания в таких условиях. Но у нас есть знания. И эти знания говорят, что отсюда нужно уходить как можно быстрее. Если поднимется ветер, он начнет разносить по округе запахи навоза с этой лужайки и крови, которой пропиталась машина. У зараженных острый нюх на такие вещи, они могут прийти, и тогда мы все погибнем. Так что хватит расслаиваться, пора уходить.

– Ли, куда мы пойдём? – удивилась Бритни.

– Лучше всего – на север.

– Почему? – спросила Мишель.

– Потому что мы приехали с юга, и перед тем как здесь остановились, я не видела там ничего похожего на надежное убежище.

– Я никуда не пойду за этой сумасшедшей, – решительно заявила девочка из второй группы.

С ними мы почти не контактировали, и поэтому я знала про нее немного: зовут Евой, упрямая и несговорчивая до идиотизма, между собой ее иногда прямо называют стервоч-

кой, что свидетельствует о многом. В общем – характер не из покладистых. Но за кукольную внешность можно простить и не такие недостатки: шатенка с роскошными волосами, глаза зеленые, будто свежая листва, высокая, с потрясающей фигурой (грудь такая, что я не один десяток эпитетов насчитала, слушая, с какой завистью обсуждают девчонки ее детали).

Среди нас для нее авторитетов нет, она на всех без исключения посматривает свысока.

– Если не пойдешь, быстро станешь чьим-то кормом, – поддержала меня Ханна, вытаскивая из вены Альбины иглу.

– Я не настолько поглупела, чтобы не понимать простые вещи, – с ледяным спокойствием возразила Ева. – Нам всего-то надо посидеть здесь час или чуть больше. У всех есть вот это. – Девушка постучала по браслету. – По ним нас легко найти, вы же знаете.

– Вообще-то, Элли искали несколько дней и нашли не из-за браслета, – невозмутимо продолжила Ханна.

Вот спасибо тебе, фиалка, идеальные слова подбираешь.

– Элли у нас психованная, – отмахнулась Ева. – Так хотела сбежать подальше от жирного жениха, что ухитрилась сломать свой браслет. Все знают, что она сунула его в шкаф с оголенными проводами и оставила Цветник без света. А наши браслеты работают, нужно просто подождать, гвардейцы уже едут.

Насчет сожженного током браслета – враки те еще, но почему-то многие в них верят.

– Сигналы от маячков нельзя поймать на большом расстоянии, – неожиданно для всех вмешалась молчунья Дания.

– Ну и что с того? Разошлют дроны в разные стороны, они или сигнал поймают, или заметят нас издали. Очень тяжело не заметить огромный розовый грузовик, чуть ли не посередине озера. Так что не сходите с места, не слушайте эту ненормальную. Из-за нее ночью нас всех чуть не убили, посмотрите на дырки от пуль, хватит с меня.

– Ветер поднимается, – спокойно заметила Ханна. – Вон листики на макушках деревьев шевелятся. Чем выше солнце, тем сильнее будет задувать, скоро начнут раскачиваться веточки, запахи отсюда далеко разнесутся, а зараженным они нравятся. Не вижу никакого смысла умирать в пятнадцать лет, так что извините, но как-нибудь без меня. Элли, я с тобой, ты не возражаешь?

– А тебе разве есть пятнадцать?

– Несколько дней осталось. Это плохо?

– Смешной вопрос. Тинка, а ты?

Не сказать, что мы великие подруги, как-то не получается мне ни с кем сблизиться настолько, чтобы не оставалось секретов и недомолвок. Но к ней я все же ближе, чем к остальным.

– Ли, ты права, отсюда надо уходить. И госпожу Альбину нельзя оставлять. Но я не представляю, как мы ее понесем, это тяжело.

– Я помогу, – коротко высказалась Дания.

– Ты идешь с нами? – уточнила я.

– Ли, не тупи, я же не могу отправить вам на помощь только руки, а сама остаться здесь.

– И меня возьмите! – чуть не плача взмолилась Лола.

– Конечно возьмем, – поспешила я ее успокоить. – Бритни, ты с нами?

– Лиска, – растерялась наша певунья. – Я не уверена, что это правильно. Послушай Еву, ведь нас действительно ищут и быстро найдут, не могут не найти.

Я сомневалась, что кто-то вообще о нас вспоминает. В Центральном, и не только там, сейчас появилось множество настолько серьезных проблем, каких до этого никогда не случалось. Но объяснить это тем, кто не видел то, что видела я, почти невозможно. И уж быстро это сделать никак не получится.

Никто не торопится нас искать, разве что зараженные. Нельзя здесь оставаться. Нельзя. Что будет дальше, можно решить потом, а сейчас придется всеми способами изворачиваться, чтобы увести отсюда как можно больше девочек.

Вообще-то, я не люблю врать, но сейчас такой случай, что будет лучше переступить через себя. Если уж огорошивать правдой, так почему бы не сдобрить ее несуществующими подробностями, которые точно дойдут до каждой?

– Девочки, есть еще кое-что, я не все вам рассказала. Вы сидели внутри и не могли видеть то, что видела я. После того как нас обстреляли, мы ехали где-то еще полчаса, и помните

сильный грохот?

– Не помню, – с сомнением заявила Тина. – Может, нам не было слышно за броней. Перед тем как ты начала нас будить, помню грохот, от него стекла посыпались где-то, но больше такого не было.

– Был еще один, от него грузовик чуть на метр не подпрыгнул, вы должны были это заметить.

– Да он постоянно содрогался, – недовольно заявила Миа. – Альбина гнала как взбесившаяся, мы на каждой ямке подлетали, я уже думала, что вот-вот и зубы посыплются.

– Это был не простой грохот, – продолжила я. – Перед ним было видно вспышку, она весь горизонт осветила в той стороне, где остался Центральный. А уже потом донесся этот грохот, деревья зашумели и грузовик встряхнуло.

– Зачем ты это рассказала? – спросила недогадливая Кира. – Это что, гроза так громыхала или что?

– Никакая это не гроза, это был ядерный взрыв, я думаю, что Азовский Союз сбросил на Братство бомбу. То есть на их людей, которые напали на Центральный. После такого там много убитых и радиоактивное заражение, а вы знаете, чем это грозит. Сейчас все разбегаются оттуда подальше. Возможно, Центральный заразило так, что теперь там несколько лет нельзя будет жить. Сейчас никто не станет нас искать, всем не до этого. Возможно, даже вообще о нас не вспомнят или подумают, что мы сгорели при взрыве.

– Фееричный бред! – фыркнула Миа. – Герцог не станет

устроить ядерный взрыв, все знают, что случается из-за радиации, никому не нужны атомиты на землях Союза.

– Никакой не бред, – неожиданно сказала Ева, но тут же разбила мою надежду, что я заставила ее изменить свое решение: – Элли просто врет, а не бредит.

– Не врет, – спокойно возразила Ханна, покосившись на меня с озорной искринкой в глазах столь зеленых, что даже Еве даст фору. – Я смотрела в щель и тоже видела вспышку. И сильный гул помню. Сразу поняла, что это не гроза, совсем не похоже на молнию и гром.

Никакой вспышки и гула не было, так что врем мы теперь вдвоем. Остается еще раз мысленно поблагодарить смышленную фиалку – выручила.

– Еще одна врунья, – с ходу вычислила мою сообщницу Ева. – Да кто вам поверит? Разве было когда-нибудь, чтобы Азовский Союз устраивал атомные взрывы?

– Такое было несколько лет назад, – заступилась за нас Тина. – Союз взорвал атомную мину на пути орды, которая пришла из Пекла.

– А сегодня пришли муры, и с ними поступили так же, – продолжила я, обрадовавшись возрастающей поддержке.

– Я с вами, – решила Бритни. – Если там дошло до атомных взрывов, всем и правда сейчас не до нас.

– Нам запрещено уходить далеко от Цветомобиля, и нас не могут забыть, – тихонько возразила вторая выжившая фиалка.

– Мириам, ты разве не слышала, о чем мы сейчас говорили? – слегка насела на нее Ханна.

– Я все прекрасно слышала. Но даже если там сейчас радиация, нас должны искать. Мы украшение Азовского Союза, мы важная частичка его души, мы радость для его защитников, мы...

– Может, хватит уже эти гимны распевать, мы не на занятиях, – перебила возмущившаяся Миа. – Меня они с первого дня достали.

– Неужели вы забыли, чему нас учили? А вот о нас забыть не могут. Слушайте, что Ева говорит, она лучше всех вас это понимает. И еще я слышала, что Элли только и думает, как бы сбежать куда-нибудь, и ей все равно, что с ней потом будет. Она и сейчас об этом думает, и вас в это втягивает. Нельзя уходить от Цветника, лагеря или машины, это считается побегом, вы все учили правила.

– Плевать на правила, я пойду с Элли куда угодно, – решительно заявила Кира. – И всем вам это советую. Забыли, как сами только и делали, что о таком шептались? Мечтали сбежать, а теперь что? Даже от машины отойти боитесь? Мишель, ну чего ты так на меня смотришь? Решила остаться? Ну так тут тебе фильмы показывать не будут, тут тебя убьют и съедят. А если не убьют, отдадут вас разным толстякам, которые будут делать с вами все, что захотят, а ничего хорошего этим уродам не захочется, ты уж мне поверь. И когда им это надоест, сдадут вас в бордель, а себе возьмут

новых дурех. Да пусть меня лучше мертвяки сожрут, чем такое. Счастливо оставаться! Элли, давай уже уходить, ничего ты этим курицам не докажешь.

Сказано чуть сумбурно, но очень даже здорово, такого эмоционального и решительного выступления я от Киры не ожидала. Она не очень-то одарена умом, тот, что есть, повернут исключительно на тряпках, но сейчас сумела меня удивить.

Я подсчитала, что, не включая Альбину, нас уже семь человек, а это прилично. Сил хватит и на то, чтобы нести носилки и чтобы отправлять вперед кого-нибудь поглазастее. Пусть высматривает опасности и удобные тропы, ведь в Улье нельзя ходить, где попало.

Спорить с теми, кто не решался уйти, нет времени. Листва колышется все сильнее и сильнее, а это плохо, от ставшего могилой грузовика нехорошо пахнет. Даже если вытащить тела и куда-нибудь спрятать, запах останется, там ведь все пропитано кровью.

Ханна каким-то образом догадалась, что я собираюсь сказать, и успела чуть опередить, прошептав так, чтобы остальные не услышали.

– Элли, пулемет. Не забудь о нем, не надо без него уходить.

Я уже поняла, что к словам этой фиалки полезно прислушиваться, но эти поставили меня в тупик.

Пулемет? На что это она намекает? На ту жуткую штуку,

из которой я чуть ли не в упор не сумела попасть в замок на шлагбауме? И с чего это мне о нем забывать?

В голове промелькнуло множество подобных вопросов, и так как даже в столь сонном состоянии я соображала достаточно быстро, ответ не заставил себя долго ждать.

– Ханна, ты шутишь? – спросила я тоже шепотом.

Та едва заметно покачала головой:

– Элли, тут и правда опасно, а это легкий пулемет, мужчины такие в одиночку носят.

Легким он не выглядел, но, в принципе, нас уже семеро, если в дозор отправлять одну, как раз хватит и на Альбину, и на оружие.

Обратилась ко всем:

– Сейчас пойдем вон в ту сторону, но вначале соберем вещи, нам нужно захватить аптечку и все одеяла. Тинка, иди вместе с Ханной к Цветомобилю, снимите с него пулемет, мы заберем его с собой.

– Он же очень тяжелый, – напряглась Тина.

– Не очень. Одна за приклад, другая за ствол, запасную ленту в корзинку для пикников, так и понесете. Альбину нести будет гораздо тяжелее.

– Мы и ее потащим? – поразилась Лола.

– Правильно-правильно, – ехидно поддержала Ева. – Тащите-тащите. Далеко с ней не уйдете, господам гвардейцам не придется долго вас искать. Готовьтесь к борделю, дурехи, у вас нет фиолетовых глаз, для таких одна дорога.

– Мы и правда далеко не уйдем, к тому же от нее несет кровью, – помрачнела Дания.

– Альбину мы не оставим, – заявила я. – Нужно четыре человека, по одной на каждую ручку, будем стараться идти только по ровным местам. Двоих на пулемет, еще одну вперед, пускай высматривает дорогу. Как раз хватает людей.

– У тебя даже лишние будут – одна точно, – буркнула Миа, поднимаясь. – Пусть мертвяки подавятся этой стервой, но от меня им не обломится. А ты, Мишель, еще глупее, чем я думала, но, может, хотя бы вкусной окажешься, вдруг твари тебя оценят.

Я не слишком рада нашей склочной брюнеточке, но гнать ее прочь точно не стану, она все же своя. Да и она права – лишние руки нам не помешают.

Мы еще никуда не пошли, а уже обросли тяжелыми предметами, причем в основном сомнительной полезности или вовсе бесполезными.

Зачем нам пулемет, из которого даже я не попадаю (при том, что из винтовки стреляю лучше всех в группе)? И зачем нам воспитательница, перепачканная кровью, которая к тому же может просочиться через повязки? То есть мы понесем с собой источник самого соблазнительного для зараженных аромата.

И одного шага к почти бесконечно далекой цели не сделали, а у меня уже голова раскалывается от избытка сомнений.

Глава 7

Лесополоса

Тина, Миа, Кира, Лола, Дания, Бритни, Ханна и я – та, которая наивно планировала в это время мчаться со всех ног в северном направлении, а теперь плетется туда же со скоростью самой медлительной во всех обитаемых мирах улитки.

Как быстро и как значительно любят меняться мои планы...

Ах да, забыла упомянуть еще одну спутницу. Но, в принципе, Альбину можно вообще не брать в расчет, она сейчас не более чем обременительная ноша. И вообще, все сильнее и сильнее впадаю в уныние при одной мысли о ее будущем, а все потому, что будущего у этой крайне таинственной воспитательницы, скорее всего, нет. После оказанной нами помощи она не стала выглядеть лучше, я бы сказала – даже наоборот. Теперь, спустя примерно час пути, ей уже не дашь те восемнадцать, что можно было дать возле Цветомобиля.

Все двадцать пять – запросто, а то и под тридцать.

Может, Ханна ошиблась, залив ей вместо кровезаменителя что-то вредное? Или она умирает от последствий тяжелого ранения? Страшно представить, что может происходить с человеком, который в трясущемся автомобиле проехал неизвестно сколько километров, будучи пришпиленным к спин-

ке сиденья стальным прутом, проткнувшим спину.

На каждом бугорке и ямке железяка шевелилась, снова и снова калеча непрочную легочную ткань. Даже для сильного мужчины этого могло хватить с лихвой, а уж для хрупкой женщины...

Да ну их, прочь нехорошие мысли! Пошли вон! Надо сразу выкидывать тягостные раздумья из головы. Выживет Альбина или умрет, не поделившись важными для меня секретами, такими размышлениями я ей ничем не помогу, зато могу навредить всем, кто пошел за мной, потому что буду рассеивать внимание на ненужное. А этого делать нельзя, я сейчас не просто так шагаю, сражаясь с сонливостью, я в дозоре вместе с Тиной. Мы в четыре глаза таращимся по сторонам, высматривая важное, но пока что не заметили ничего опасного или полезного.

Зато зловещего много попадается. Мы видели кости коров и людей, видели сгоревший остов автобуса, видели указатель с расстояниями до несуществующих здесь населенных пунктов, смятый, будто лист бумаги, неведомой и явно немаленькой силой.

Я не придумала ничего лучше, чем двигаться вдоль дороги. Трудно точно определить без компаса, но вроде бы она тянется почти точно на север, это мне подходит. На ней может найтись заправочная станция, мелкий населенный пункт или хотя бы дренажная труба большого диаметра под насыпью, где мы сумеем укрыться и решить самые насущные про-

блемы.

Проблем у нас столько, что подсчитывать страшно. Даже не представляю – с какой начинать. У нас почти нет нектара, но это может чуть-чуть потерпеть. Нет еды, но голодом не напугать тех, кто зубы съел на разнообразных диетах. Нет воды, а вот это очень и очень плохо.

Это ужасно.

Почему?

Да потому.

День обещает стать жарким, ведь небо почти без облаков. Мы устали, мы перенервничали и продолжаем нервничать и к тому же подвергаем себя физическим нагрузкам, а все это неизбежно вызывает споровое голодание. Поначалу оно легкое, проявляется лишь в едва заметных недомоганиях, незначительных расстройств мышления и быстро усиливающейся жажде. Ее в первое время можно успокаивать без нектара, но потребуется много воды или заменяющих ее напитков.

В Цветомобиле не оказалось ни капли, и не нашлось емкостей, чтобы заполнить их из озера. Эту теплую мутную бурду пить крайне противно, но я еще помнила себя в состоянии серьезно развившегося спорового голодания и знаю, что очень скоро мы будем готовы с бешеным восторгом лакать из загаженной поилки для свиней.

Итак, вода – первое, что нам нужно найти. Затем одежда. Да, мы не голые, но у всех без исключения можно обна-

ружить на ткани пятна известного происхождения. Тяжело выбраться чистенькой из грузовика, пассажирский отсек которого так сильно забрызгало. Неизвестно, насколько заметный запах крови мы источаем, но это, без сомнения, лишний риск.

Также нам очень не помешает оружие, но найти его на первой попавшейся дороге – фантастика. Речь, разумеется, идет о серьезных штуковинах. Отряды снабжения Азовского Союза прекрасно знают, в каком из загрузившихся стабов можно надеяться добыть винтовки, патроны и прочее в таком духе, они заранее выдвигаются туда в нужные моменты. Ну а малоперспективные места обыскиваются многочисленными дикими рейдерами, после них вообще ничего не остается.

Разумеется, Улей настолько безграничен, что немногочисленные люди физически не в состоянии успевать полностью обыскивать хотя бы ту полосу, которая намертво зажата между Внешкой и не самым дальним западом. То есть районы с наиболее высокой плотностью иммунного населения. Но глупо рассчитывать на то, что мы, бредя через неизвестно где расположенные лесополосы, вдруг наткнемся на ценные трофеи.

Во времена своего знаменитого побега, при всем нескончаемо пополняемом богатстве Улья, я обрадовалась куску простого стекла. Конечно, не забиралась в опасные места, где повышенный шанс найти что-нибудь получше, но все же

факт красноречивый.

Подобравшись к краю лесополосы, присела за густым невысоким кустом и начала внимательно изучать открывшуюся картину. Все как было и до этого, то есть вообще ничего интересного. Далеко-далеко тянется поле каких-то колосков, я в них совершенно не разбираюсь, но выглядят симпатично. Смутно представляю все эти процессы, но вроде бы из растущих здесь зернышек изготавливают измельченную массу, из которой потом можно печь булочки. Называется она мукой, и по ней не скажешь, что она выросла на стебельках. Очень хорошо, что растение это невысокое, в нем разве что ползун спрячется. Но это низший зараженный, и он настолько безобидный, что его можно не брать в расчет. Такого даже убивать нет смысла – совершенно бесполезный, у него обычно даже пустого спорового мешка нет, всего лишь зачатки.

Убедившись, что признаков опасности не видно, юркнула назад к деревьям и увидела, что Тина идет навстречу:

– Элли, ну что там?

– Ничего, кроме колосков. А у тебя?

– Зараженных не видно, но дальше на дороге стоит машина.

– Машина? Скажи нашим, чтобы подождали чуть-чуть сзади, а я посмотрю.

Тина не ошиблась, посреди дороги и правда застыла машина. Причем машина странная и одновременно красивая, такую я никогда не видела, хотя похожие иногда попадались

на некоторых кластерах. Она выглядит опасно легкой, ажурной, маленькой, ее стекла не прикрыты ни листовой сталью, ни хотя бы металлическими сетками. Просвет под днищем до смешного мал, на такой невозможно проехать не то что по дикому стабу, а по не сильно разбитой грунтовке. Дверь водителя распахнута настежь, остальные закрыты.

– Машинка из свежих, – заметила Тина, приседая рядом.

Ну да, тут и до Лолы быстро дойдет, что это не техника Улья, это обычная машина, свалившаяся сюда после одной из перезагрузок. Ее никто не стал переделывать, что, в общем-то, оправданно, ведь она слишком хлипкая для здешних условий, на нее не повесишь приличную защиту, да и с проходимостью беда.

Стыдно, что меня вообще удивил вид этого автомобиля, я ведь не всю жизнь провела исключительно за стенами Цветника. Мы регулярно выезжали стрельнуть по разику в мертвяков, привязанных в карьере; нас катали на экскурсии по разным местам, не всегда приятным; регулярно вывозили во временные лагеря, устроенные на стандартных кластерах. Последнее необходимо для профилактики статической лихорадки или, в простонародье, трясучки. Это жуткая болячка иммунных, которая может превратить тебя в кошмарную уродину, что, конечно, Азовский Союз допустить не может.

Мы ему нужны вечно цветущими и самыми красивыми.

Не стоит забывать и про мой непродолжительный, насыщенный приключениями вояж на запад, я там успела всякой

техники насмотреться, в том числе и такой – брошенной на обочинах, никому не нужной.

Но я не привыкла смотреть на подобные предметы не через смотровые щели в броне, а вот так, скрываясь в зарослях и пугаясь каждого дуновения ветерка. Под таким ракурсом все выглядит совершенно по-другому.

– Как ты думаешь, ее бросили или хозяева ненадолго отошли? – спросила Тину.

– Не знаю, но брошенной она не выглядит. Если и ушли, то недавно.

Тине виднее, в отличие от меня, она родилась не здесь, а в нормальном мире и даже успела прожить там целых четырнадцать лет, что почти невыносимо.

Среди воспитанниц невыносимо, потому что в Цветник крайне редко забирают тех, кому исполнилось больше одиннадцати. Это практикуется лишь в тех случаях, когда у кандидки выдающиеся личные данные или почти уникальная черта, вроде моих глаз.

В Тине нет ничего уникального, и ее внешние данные более чем сомнительные. Если к нам попала аккуратной пыщечкой с глазами на половину кукольной мордашки, то чем дальше, тем шире таз, грубее плечи, невзрачнее лицо. Красавицы, как правило, вырастают из гадких утят, я это давно подметила, в том числе и по себе, но преобразование происходит в определенный жизненный период, а у нее он уже остался в прошлом. Нет, ее нельзя назвать некрасивой, но

все же до запредельных стандартов Цветника явно не дотягивает, таких, как Тинка, на каждом углу хватает. Почему ее пропустили при отборе – уму непостижимо.

В последнее время я опасалась, что ее от нас вот-вот заберут, как не оправдавшую надежд. Такое случается крайне редко и, как правило, связано не с внешностью, а с психологическими причинами, так что Тина могла стать четвертой на моей памяти, кого объявили дурнушкой, недостойной высшей лиги.

Она молодец. Все понимает и не показывает вида. Держится так, как я бы на ее месте вряд ли смогла.

Не выдержав давления не вовремя свалившихся ненужных мыслей, тихо произнесла:

– Тинка, я не собираюсь возвращаться.

– Значит, и правда опять сбегаешь? – спросила, не отводя взгляда от машины и ничуть не удивившись словам, сказанным невпопад.

– Вообще-то, я уже сбежала. Так же как и ты.

– Возле Цветомобиля нельзя оставаться, это еще не побег, такое поймут. Наверное.

– Мой избранник отпустил меня.

– Тот самый?

– Ага.

– И как это было?! – жадно любопытствовала Тина.

– Долго рассказывать. Одно скажу – все произошло совсем не так, как ты сейчас нафантазировала.

– Откуда ты знаешь, что я фантазировала?

– Я тебя не первый раз вижу, знаю – не сомневайся. И знаю, что ты тоже сбежать мечтала. Да вы все об этом только и думаете, Кира не зря ваши перешептывания вспомнила.

– Мне страшно, Лиска.

– Думаешь, мне не страшно?

– Другим ты тоже сбежать предложишь?

– Естественно, я же не могу бросить Альбину, а сама ее не донесу. Думаю, Дания сразу согласится и Миа тоже. У обеих лица звереют, когда речь заходит о избранниках. Ну и Кира тоже пойдет.

– А ты знаешь, куда идти?

– Знаю.

– Тогда я с тобой. Я с тобой куда угодно пойду.

– Правильно, тебе в Цветнике опасно оставаться, сама знаешь. Да и где сейчас этот Цветник?..

– Лиска, скажи правду – была атомная бомба или нет?

– Нет, но разве это что-то меняет? Муры сами по себе хуже любой бомбы, и они сейчас в Центральном. Какая разница, был там атомный взрыв или нет? Результат все равно один.

– Ты не можешь это знать.

– Не сомневайся – знаю.

– А куда ты собралась бежать?

– Есть место, где я не буду вещью.

– Мы всегда будем кому-то принадлежать.

– Нет, не всегда. Все зависит от нас.

– Лиска, ты просто глупая и мелкая. Подрастешь и будешь, этот закон в любом месте работает.

– Даже в твоем мире?

– И в моем, и в твоем. Но в моем, конечно, все немного не так. Правда, не везде, ведь мир большой.

– Вы чего тут засели? – неожиданно спросила бесшумно подкрававшаяся Ханна.

– Блин! – Тина дернулась от неожиданности. – Фиалка, предупреждать надо!

– Тише ты! – шикнула я и пояснила: – Там машина на дороге, не можем понять, есть возле нее кто-нибудь или нет.

Ханна, присев рядом, цепко уставилась в ту же сторону. Взгляд у нее какой-то интересный стал, наверное, у меня такой бывает только в те моменты, когда целишься в голову мертвяка, оставленного солдатами на дне песчаного карьера.

Странная девочка. У меня к этой фиалке много вопросов накопилось, но сейчас не время и не место их задавать.

Рыженькая покачала головой:

– Если человек уходит надолго, он не оставляет дверцу нараспашку. Водитель мог переродиться, обычно после такого у них хватает ума справиться с замком. Если не хватает, они или стекла выдавливают, или долго стучатся изнутри, а потом становятся ползунами и умирают. Слышала, что некоторые догадываются обгрызать себе руки и поэтому держатся дольше, но, наверное, это просто вранье. Свежий пустыш,

когда выбирается из машины, не сидит на месте, он начинает искать еду, ему она сразу нужна, иначе потеряет силы и станет ползуном. Бывает, конечно, что крутится неподалеку, но если ничего интересного в округе нет, это ненадолго. Так что, если вы боитесь только хозяина машины, можете не бояться.

– Согласна, – кивнула я. – Пойди скажи остальным, что можно идти. Но напротив машины надо будет остановиться, там густые кусты всех прикроют – удобное место.

– Хорошо, – сказала Ханна, разворачиваясь.

Тина, проводив ее задумчивым взглядом, заметила:

– Чудная она какая-то.

– Ага, странная. Слишком много знает и ведет себя ненормально. Но нам это только на пользу, она не делает глупости. Поднимайся, надо добраться до тех кустов быстрее остальных.

– Зачем ты хочешь там остановиться?

– Осмотримся или даже выберемся на дорогу.

– Но зачем?!

– Как это – зачем? Это же машина, надо посмотреть, вдруг что-нибудь полезное найдем.

– А, вот ты о чем. Ну да, хорошо бы воду найти, пить очень хочется, никогда в жизни так не хотелось.

– Это только начало, Тинка.

– Начало чего?

– Начало настоящей жажды.

– Да я и от этой вот-вот умру. Мне надо больше пить, у меня проблемное лицо, без воды может ухудшиться цвет.

– Не о лице сейчас думать надо.

– Лиска, но как можно не думать о лице?!

– Тише, Тинка, просто не думай, и все. Лица нам сейчас вообще ничем не помогут, можешь свое на вешалке оставить, пускай болтается.

– Ну да, и где же здесь вешалка?

– Вот и я о том же. И помолчи уже, мы не на прогулке вокруг клумбы, тут все очень серьезно.

* * *

До машины рукой подать, не больше десяти шагов. В упор тарачимся, но ничего так и не разглядели. Тишина гробовая, если не считать того, что птички весело чирикают.

Не сводя взгляда с дороги, я спросила:

– Тинка, а ты умеешь управлять такой машиной?

– Не знаю.

– Вот ведь балаболка, ты ведь постоянно рассказывала, что можешь водить любую, а теперь отнекиваешься, – заметила Миа.

– Ничего я не отнекиваюсь, просто надо сесть за руль, вспомнить, что там и как.

– Мы не толстые, мы туда все можем поместиться и уехать, – замороженно произнесла Лола.

Наша робкая одnogруппница при поспешных сборах ухитрилась надеть туфли на высоких каблуках, ходить по мягкой земле лесополосы для нее теперь пытка, никакие тренировки не помогают справляться с такими неудобствами. Да и Тина от нее недалеко ушла.

С обувью не только у них беда, пешком ходить для некоторых – та еще проблема, этот важный момент я упустила. Да и как можно за всем уследить в такой обстановке?

– Носилки в машину не поместятся, – возразила я.

– Если и поместятся, далеко не уедем, – спокойно произнесла Ханна. – Даже не самый сильный зараженный разнесет этот драндулет на ходу, да и как на такой можно проехать по плохой дороге? Элли, если ты не против, мне бы хотелось сходить к ней вместе с тобой.

– И Тина пусть идет, – буркнула Миа. – Пусть покажет, что не врет, что и правда водить умеет. Чуть-чуть пусть проедет, а мы посмотрим.

– Да что ты к ней привязалась?! – не выдержала Кира.

– Тише обе, – попросила Тина. – Схожу, раз кое-кому так сильно хочется. Самой интересно вспомнить. Я ведь не очень-то каталась, права только взрослым дают. Только с папой вокруг озера, ну и во двор загоняла иногда. Хочется вспомнить.

– А вы сидите тут тихо и смотрите во все стороны, – попросила я. – Чуть что, тихонько говорите нам, но только чтобы мы услышали.

В свой первый побег я бы ни за что не выбралась на открытое с двух сторон место ради осмотра подозрительной машины. Это ведь опасно, пугалась каждого намека на угрозу. Но в тот раз получила кое-какой опыт и теперь знала, что вечно отсиживаться по кустам не получится. Если уж нужно хотя бы иногда действовать рискованно, то лучше начинать это делать сразу, пока ты еще полна сил и пока голова хоть что-то соображает, а не просто бездумно раскалывается из-за нехорошей стадии спорового голодания.

Заглянув внутрь, я не заметила ничего заслуживающего внимания. Ни на одном из сидений ничего нет, то есть зря мы вообще из кустов выбрались.

Тина, обойдя меня, неуверенно плюхнулась на сиденье водителя и радостно произнесла:

– О! Ключ есть! Значит, можно покататься.

– Лучше не надо, у этой машины хоть и слабый мотор, но могут услышать, – предупредила Ханна.

– Я потихонечку, – ответила на это Тина и, начав зачем-то перебирать ногами, непонятно почему напряглась, после чего недоуменно заявила: – Я ничего не понимаю... Девочки, это какая-то не такая машина, я на другой ездила. Эта вообще непонятная, я не знаю, как ею управлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.